

На правах рукописи

ОСЕТРОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

**НЕАВТОРИЗОВАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ:
РЕЧЕВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Седов Константин Федорович
(Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского),

доктор филологических наук, профессор Федосюк Михаил Юрьевич
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

доктор филологических наук, профессор Шмелев Алексей Дмитриевич
(Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН)

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 21 декабря 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат диссертации разослан « » ноября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,

доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная диссертационная работа – это комплексное исследование природы **неавторизованной информации**: в нем проанализированы содержание и механизм ее обращения в пространстве речи, описаны структура и функции соответствующих текстов, наконец, реконструирован «Процесс распространения неавторизованной информации» как фрагмент русской языковой, еще точнее – авторской, картины мира.

Выделенный выше научный **объект** конкретизируется через формулировку **предмета** исследования: в качестве такового мы рассматриваем языковой феномен неавторизованной информации, массово обращающейся в современной коммуникативной среде.

Свою типичную и узнаваемую реализацию он находит во фрагментах, включающих маркеры из группы *как говорят; рассказывают, по слухам; как мне сказали, есть информация; из надежного источника нам стало известно; в администрации утверждают, по сведениям, исходящим из осведомленных кругов; бабы на базаре говорят, тут сорока на хвосте новость принесла* и т.д. Подобные тексты публикуются и воспринимаются как не имеющие определенного авторизованного источника, фактически анонимные, при трансляции которых говорящий берет на себя лишь роль посредника; другие заметные их качества – актуальность и оперативность, то есть новостной характер передаваемой информации. На уровне семантического устройства высказывания перечисленные показатели детализируют категорию авторизации, существенно расширяя ее состав.

Авторизация – традиционное понятие современной лингвистики: им, начиная с публикаций Г.А. Золотовой 70-х гг., активно оперируют в течение почти сорока лет. Наряду с прочими высокочастотными смыслами, такими как императивность, оценочность, персуазивность, ее называют «падежом парадигмы» модуса высказывания (О.Н. Копытов) и определяют как квалификатор источника излагаемых сведений (Т.В. Шмелева). Другими исходными понятиями в рамках диссертационного исследования выведены понятия информации, коммуникации и коммуникативной среды. Именно поэтому необходимо в самом начале реферируемой работы зафиксировать значения, в которых они здесь употребляются.

Термин «информация», конечно, не принадлежит исключительно филологии или уже – языкознанию, активно используясь, например, в научном аппарате математики, кибернетики, естествознания, социологии, гносеологии, в качестве базовой содержательной единицы участвуя в описании интеллектуальной сферы. Вместе с тем, основным средством передачи информации в человеческом обществе является язык как ее универсальный код, основным же носителем – текст как итоговый способ описания знания (Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин). Информация выступает содержанием, причиной, поводом или оправданием всякого акта коммуникации, делает использование языка необходимым, «дает ему работу». В этом смысле она объект языковой.

Осмысливая и развивая обозначенную выше взаимосвязь, лингвисты активно внедряют термин «информация» в синтаксис (В.А. Белошапкова, Н.Н. Чайковская), теорию дискурса (В.И. Тюпа, М.Л. Макаров), лингвопрагматику (М.Р. Желтухина), психолингвистику (А.А. Залевская), теорию риторики (Ю.В. Рождественский). Способы получения новой информации и принципы ее обработки, рост и прогресс знания изучаются в когнитивной лингвистике (Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова). На основании дифференциации информации (И.Р. Гальперин, А.К. Михальская, В.Н. Мещеряков) создаются подробнейшие типологии текстовой информативности. Но что особенно важно в нашем случае, через рассматриваемое понятие определены язык – семиотическая система, главнейшая функция которой состоит в хранении и передаче информации (А.Е. Кибрик, Ю.С. Степанов), – а также речь, выступающая в функции ее проводника (М.А. Василик, Н.И. Жинкин).

Существуют десятки, если не сотни определений информации, зафиксированные разными науками, – популярный предмет теоретических и методических обзоров. Их авторы до сих пор находятся в процессе сложного постижения взаимосвязей между информацией, коммуникацией, языком, речью, общением, мышлением, между информацией и действием.

Естественно ориентируясь на лингвистический объект исследования, под информацией далее, вслед за И.Р. Гальпериным, будем иметь в виду всякое сообщение, оформленное номинативно (предложение, фрагмент текста или цельный текст), в котором изложено содержание фактологического характера.

Понятие информации участвует в прояснении сущности другого важнейшего общественного феномена – коммуникации. Дефиниции, обращающиеся сегодня в лингвистике, социологии, психологии, и теории коммуникации (К. Ажеж, В.М. Березин, М.Н. Володина, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Н. Луман, Ю.Н. Марчук, Г.П. Нещименко, Ю.Е. Прохоров), сводят определение коммуникации к передаче в процессе совместной деятельности от человека к человеку информации, а также интеллектуальных и эмоциональных реакций, возникших по поводу ее получения.

Хорошо освоенные современными гуманитариями понятия коммуникации (как процесса) и информации (как его содержания) потребовали осмысления условий глобального информационно-коммуникативного акта и привели к изобретению словосочетания «коммуникативная среда». У А. Киклевича оно оказывается, например, основным в формулировании принципа конфигурации языкового кода и среды, в соответствии с чем знаковая структура сообщения определена с учетом коммуникативного контекста – речевого жанра, социального контакта, свидетелей коммуникации, используемого канала, сцены интеракции и др. В расширенном значении и с лексической заменой «среда» на «пространство» та же содержательная единица использована Г.П. Нещименко при построении модели этнического языка.

Учитывая теоретические выкладки лингвистов и представления о человеческом общении, заимствованные из теории коммуникации, дадим следующую формулировку. Коммуникативная среда – культурно-языковое пространство, объединяющее хронологически сосуществующих членов

социального коллектива, используемое ими для общения и оформленное в системе многообразных диалогических связей.

Рассуждения, показавшие предметную область исследования (вербальная информация – коммуникация – коммуникативная среда), прямо подводят к обоснованию его **актуальности**. Она располагается по крайней мере, на двух основаниях, общего и частного характера.

Первое из оснований имеет социальную природу и состоит в том, что непрерывный процесс производства, обращения и использования информации признан отличительной чертой современного общества, ведущим стимулом его прогрессивного развития. Этот факт перевели в научную плоскость, аргументировали и популяризовали канадец М. Маклюэн, американцы Д. Белл, Г. Кан и З. Бжезинский в 60–70 гг. XX века. Их концепции постиндустриального / информационного общества дали толчок десяткам содержательно близких теорий новейшего времени и обосновали необходимость детального изучения происходящих в нем изменений с позиций различных наук.

Как отмечает известный американский футуролог Э. Тоффлер, главнейшей гуманитарной идеей последних десятилетий признана идея активного продвижения мировой цивилизации к обществу информационного типа, или обществу массовой коммуникации, где на смену энерго- и материалоемким производствам приходит производство информации.

Так или иначе сформулированная, данная мысль в последнее десятилетие проявляет себя в рассуждениях различной предметной направленности. Ее берут на вооружение практически все гуманитарные науки, называя нашу эпоху эпохой «тотальной информатизации общества», «информационно-компьютерной революции», «временем Языка», «эрой информатизации», «веком коммуникаций» и формулируя постулаты «Общество – это социальная система, оперативно замкнутая на базисе коммуникации» (Н. Луман), «Сообщество простирается лишь до того предела, до которого простирается действительная передача информации» (Н. Винер) или «Сознание в форме информации определяет мир» (С.Г. Корконосенко). Не следует видеть в них лишь серию подобранных «на тему» афоризмов – перед нами точная научная рефлексия, отражающая интенсивно идущие социальные процессы. В США, например, только 13% населения задействовано в промышленности и более 60% – занято в сфере, связанной с производством и обменом информацией (В.Ф. Петренко). Отмеченный дисбаланс увеличивается с каждым годом, поскольку регулярные спады в развитии традиционных секторов бизнеса не затрагивают рынок коммуникаций: инвестиции в него год от года растут рекордными темпами (С.Г. Корконосенко).

Второй момент, позволяющий утверждать положение об актуальности предпринятого исследования, связан с осмыслением генеральных направлений современной лингвистической и шире – филологической мысли. Здесь в рамках социолингвистики, прагматики, коммуникативной лингвистики, теорий дискурса и текста, речеведения и жанрологии – коммуникативная ситуация, единицы, параметры и механизмы общения, разновидности языковой информации занимают первые места в списке устойчивых объектов профессионального анализа.

К обозначенному выше списку можно смело отнести и объект неавторизованной информации. Ее модус, по крайней мере, в последние два десятилетия, является одним из самых популярных субъективных ключей в русскоязычной среде массовой, в том числе официальной коммуникации. Достаточно взять в руки любую газету, журнал или сосредоточиться на телевизионном «контенте», и становится понятно, что уход от конкретного авторства в сторону неопределенности, а то и полной анонимности источника – узуальная норма СМИ.

Хотя проблема неавторизованной информации в четко сформулированном, комплексном виде, насколько известно автору диссертации, не ставилась в отечественной лингвистике, на нее в рамках иных понятийных систем обращали внимание некоторые зарубежные и российские лингвисты. М.А. Кормилицына, анализируя тексты российской периодики, выходит на обсуждение анонимности автора как на доказательство их содержательной неопределенности и отсюда – недостоверности, а К. Ажеж, развивая в своей книге «Человек говорящий» плодотворную идею речевой полифонии, выделяет «пересказываемую речь, за которую его не несет ответственности». Разбирая семантику высказывания *Как утверждают, скоро на рынке появится революционный тип компьютера* и ему подобные и отмечая использование их в немецком и французском языках, этот европейский лингвист справедливо замечает, что стиль, «называемый свободной косвенной речью, заслуживает детального исследования (выделено мной. – Е.О.)».

Имея в виду все сказанное выше, и особо последнюю формулировку, выведем **цель** работы – исследовать природу неавторизованной информации, которая представляет отдельную маркированную зону в современной среде коммуникации. Обусловленная речеведческим принципом подхода к теме, данная цель раскрыта как триединая: ее главные, показывающие наш научный интерес векторы направлены 1) на коммуникативный механизм распространения неавторизованной информации, 2) на структуру и функции неавторизованных текстов, 3) на их языковые формы и смыслы.

Цель обуславливает постановку нескольких конкретных **задач**:

- выявить коммуникативный канал, традиционно передающий тексты неавторизованной информации; объяснить механизм и принципы его работы
- проанализировать структуру и параметры речевых ситуаций, в рамках которых публикуется такая информация и из которых, при определенном стечении обстоятельств, она выходит в каналы массовой коммуникации
- описать свойства и функционирование слухов – жанра, предназначенного речевой практикой для выражения неавторизованной информации
- реконструировать образ слухов в русской языковой картине мира
- исследовать семантическую организацию текстов с включением неавторизованной информации в современных российских СМИ
- исчислить причины, цель и функции массового использования подобных текстов

- реконструировать «Процесс распространения неавторизованной информации» как фрагмент авторской картины мира.

Материалом диссертации послужили русскоязычные тексты с маркерами неавторизованной информации, извлеченные из радио-, теледискурсов, российской периодической печати, а также спонтанные диалоги, формирующие бытовую и деловую сферы общения (в том числе из архива диалектологической практики кафедры русского языка СФУ «Речь горожан»). Отдельный раздел картотеки составили несколько сот художественных фрагментов из детективных романов Б. Акунина. Общая картотека насчитывает более 3000 текстовых единиц.

Для решения поставленных задач в работе использованы **методы** коммуникативного, контекстуального и семантико-синтаксического анализа, интерпретации текстов, а также универсальная научная методика наблюдения, сравнения и систематизации. Для обобщения полученных результатов на отдельных этапах работы актуальным оказался лингвостатистический метод. Отметим и то, что сложная, многоаспектная природа объекта обусловила выход за границы собственно лингвистические, обогатив научный багаж автора социальным, психологическим, историческим и философским знанием.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Неавторизованная информация есть выражение неопределенности – конститутивного свойства языковой материи, ярко заявляющего о себе в современном речевом контексте, контексте эпохи постмодернизма.
2. Неавторизованная информация – сложный феномен; для постижения его эффективно использовать речеведческий подход (А.А. Холодович, Л.П. Якубинский, Т.В. Шмелева и др.), состоящий в интегративном изучении речевой – вербальной – текстовой стороны всякого языкового факта. Полученные результаты далее следует сравнивать с представлениями о неавторизованной информации в русском языковом сознании; такой аналитический ход позволяет выявить степень совпадения полученного образа с явлением речевой действительности.
3. Наряду с привычно выделяемыми телевидением, радио, периодической печатью и новейшим Интернетом существует еще один канал массовой коммуникации, названный Устным Каналом (далее – Канал). Как самый традиционный способ распространения социально значимого знания, этот канал специально приспособлен для передачи неавторизованной информации. Суть его механизма состоит в трансляции по цепочке или по социальной сети от одного субъекта к другому сообщений, важных либо интересных для членов сообщества. Помимо неавторизованной информации, принимающей различные формы актуальных анонимных новостей – слухов, сплетен, вестей, рассказней (молвы, в терминологии Ю.В. Рождественского), по Устному Каналу циркулируют еще два информационных потока: фольклор и тексты «житейской мудрости». Каждый из них имеет свое специфическое содержание и назначение, свой предпочтительный режим существования, что достигается благодаря динамичному изменению пяти рабочих параметров канала: «индивидуальное / групповое» восприятие сообщения в момент его ввода в ситуацию речи, «цепочечный / сетевой» способ передачи, «сплошная / дискретная» трансляция, «глобальная / локальная»

площадь захвата, «долгосрочный / краткосрочный» временной период. Объединяют текстовый массив в целое устность, анонимность, большая или меньшая вариативность, принципиально единый механизм обращения. Ввиду перечисленных качеств, а также исключительной простоты функционирования, активного участия человека в его работе и тысячелетней апробированности, Устный Канал характеризуется доверием у населения.

4. Неавторизованная информация вводится в Канал через ситуацию спонтанного общения, которая включена в систему временных и пространственных координат, задана серией двоичных коммуникативных ходов и предъявляет известные требования к поведению участников диалога.

5. Специфический информационный жанр для публикации неавторизованной информации – слухи. Древний и востребованный до сегодняшнего дня, продуктивный тип информационного высказывания, он принадлежит сфере бытового общения, а в последние десятилетия занимает еще устойчивую нишу в пространстве российских медиа-каналов и среде Интернета. Слухи имеют богатую социальную и научную историю, многолетнюю практику использования в качестве эффективной техники рекламы и PR, неразрывно связаны с коммуникацией (отказ от их передачи вызывает исчезновение самого текста), а поэтому оказываются средоточием неавторизованной информации и главным символом Устного Канала.

6. Использование неавторизованного языкового продукта в СМИ определено набором причин, целью, семантическими и коммуникативными функциями и, будучи направленным на диалогизацию по большей части искусственного, монологического в этой среде общения, в конечном счете, обеспечивает завоевание массовой аудитории.

7. Соответствующий модус – один из ведущих модусов современных средств массовой информации – демонстрируется текстовой работой двух субъектов: эксперта и субъекта народного мнения.

8. «Процесс распространения неавторизованной информации» отражен в русской языковой картине мира и, как выяснилось, представляет структуру из 13 элементов пропозитивной и 13 актантной природы, где центр формируют фазы «Восприятия» – «Трансляции» – «Существования» информации. Его реконструкция на материале романов Б. Акунина обнаруживает два языковых сценария – естественный (*слышали – судачили – знали*) и искусственный (*выведали – донесли – имели сведения*); они служат достаточно сложным, но изоморфным отражением описываемого фрагмента речевой действительности, обнажая смыслы анонимности, неопределенности, достоверности / недостоверности, оценочности, интенсивности, закрепленные языком за неавторизованной информацией.

Научная новизна диссертационной работы заключается в определении самого объекта исследования и отсюда – в принципиальной постановке проблемы. Неавторизованная информация как отдельный содержательный массив современной коммуникативной среды в таком широком ракурсе и в таком комплексном, речеведческом, аспекте (языковая форма – речь – текст) впервые взята в фокус лингвистического внимания. Представление об объекте дополнено

семантическим анализом, дающим его четкую «картину» в русском вербальном сознании. Помимо этого, анализ неавторизованной информации представлен с интегративной точки зрения, что позволяет осмысливать ее организацию с привлечением сведений по теории коммуникации, социологии, психологии, истории и философии.

О **теоретической значимости** работы говорят, по крайней мере, четыре обстоятельства. Во-первых, детальный анализ неавторизованной информации как динамического выражения глобальной категории языковой неопределенности, объясняя целый ряд аспектов ее речевого существования, обогащает таким образом современное лингвистическое знание. Во-вторых, автором выявлен и определен как самостоятельный среди прочих еще один канал массовой коммуникации – Устный Канал, имеющий специфическую «механику», режим работы, функции и содержание. В-третьих, слухи и ряд смежных с ними явлений трактуются в качестве многопланового лингвистического объекта – речевого жанра, изучать который следует в широком контексте с перспективным выходом в гуманитарное, в частности социальное, знание. Наконец, доказано, что реконструкция выделенного фрагмента в языковой картине мира не только удовлетворяет чистый научный интерес, но позволяет точнее понять сам социально-речевой феномен, «прикладную» сторону его существования. В итоге опубликованы результаты, полезные для различных областей теории и практики, фокусирующие внимание специалистов на предмете коммуникации, каналах массового общения, языковой картине мира.

Практически материалы диссертации используются в преподавании семантического и актуального синтаксиса современного русского языка в СФУ (до 2007 г. – КГУ). Они легли в основу двух спецкурсов, прочитанных в КГУ / СФУ для студентов-филологов в 1997–2009 гг. – «Слухи в современной коммуникативной среде» и «Речевой имидж», лекций по политической коммуникации для слушателей партийной школы «Енисей» в 2006–2009 гг., а также публичных лекций в КГУ в марте–апреле 2007 г.

Идеи об устройстве современных каналов и сред массовой коммуникации организуют диалог спецсеминара «Теория речевых жанров и современная языковая действительность». В период с 2000 по 2010 гг. под руководством автора защищено 38 дипломных работ и две кандидатские диссертации А.П. Новиковой и С.В. Волынкиной; участниками спецсеминара опубликовано 34 работы жанроведческой, социолингвистической, семантической тематики.

Определение слухов введено в словарь-справочник «Эффективная речь», готовящийся к публикации под редакцией профессора А.П. Сквородникова.

С позиций перспективных практическая значимость заключена, во-первых, в возможности использовать материал диссертации для подготовки спецкурсов по проблемам общей филологии, социолингвистике, коммуникативистике, журналистике, семантическому синтаксису, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии. Во-вторых, реализованный в работе речеведческий подход к анализу неавторизованной информации может быть применен в отношении других языковых фактов, требующих подобного детального осмысления.

Основные результаты и выводы работы **апробированы** на 42 международных, всероссийских, региональных конференциях, конгрессах и симпозиумах в Брно (Чехия, 2007 г.), Варне (Болгария, 2007 г.), Вашингтоне (США, 2007 г.), Гранаде (Испания, 2007 г.), Минске (Белоруссия, 2006 г.), Одессе (Украина, 2006 г.), Познани (Польша, 2003 г.), Ачинске (2002 г.), Барнауле (2006 г.), Белгороде (2006 г.), Екатеринбурге (2002 г.), Кемерово (2006 г.), Красноярске (1997–2006 гг.), Новосибирске (1999 г.), Москве (2000, 2004, 2006, 2008 гг.), Омске (1992 г.), Ростове-на-Дону (2007 г.), Санкт-Петербурге (2006 г.). Они оформлены в 51 научную публикацию, представленную коллективной монографией, учебным пособием, словарными статьями, статьями в научных сборниках, сборниках материалов конференций и периодических изданиях.

Цель и задачи диссертационного исследования определили **структуру работы**. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, включающего 501 наименование, списка принятых сокращений и трех приложений, представляющих а) газетный текст с генеральным модусом неавторизованной информации, б) список маркеров неавторизованной информации и в) библиографию 417 работ по темам «слухи», «сплетни», «молва». Рассуждения в тексте сопровождаются 2 схемами, 6 рисунками и 15 таблиц. В первой главе обсуждается научный контекст проблемы, во второй рассматривается содержание и механизм обращения неавторизованной информации в современной коммуникативной среде. Третья глава посвящена семантическому и коммуникативному анализу текстов СМИ, включающих неавторизованную информацию в свой состав, а в четвертой центром описания становится «Процесс распространения неавторизованной информации» в авторской картине мира (на материале романов Б. Акунина). В заключении подведены итоги работы. Объем диссертации составил 408 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, указаны методы исследования, определена теоретическая и практическая значимость работы, степень ее научной новизны, изложены положения, выносимые на защиту, приведены данные о материале, источниках и структуре диссертации.

В **первой главе «Неавторизованная информация: научный контекст проблемы»** рассматриваются теоретические предпосылки исследования, а именно: освещаются 1) широкая проблематика языковой неопределенности, в которую семантической стороной своей конструкции прочно встроен объект неавторизованной информации, а также 2) лингвистические подходы к данному явлению коммуникации, позволяющие прояснить речевую природу данного объекта.

1.1. Категория неопределенности, по мнению многих отечественных лингвистов (Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Ю.И. Левин, Т.М. Николаева, Н.Ю. Шведова), является одной из семантических доминант в русском языке и по

развитости, а также числу обслуживающих ее единиц превышает категорию определенности – второй член этой известной двучленной лингвистической парадигмы, исследованию которой посвящено множество языковедческих работ (А.В. Бондарко, А.И. Бондарев, Е.М. Вольф, В.В. Дементьев, Г.А. Золотова, С.И. Кокорина, Е.В. Падучева, Ю.Л. Сидорова, А.Д. Шмелев и др.).

Современная лингвистика сосредоточена на изучении проблемы в двух направлениях – речевом и собственно языковом.

Исследование языкового содержания неопределенности, по сути, разворачивается в подробный анализ объективного плана высказывания (диктума) и его субъективной рамки (модусных смыслов). Через определение субкатегориальных признаков неопределенности (Ю.Л. Сидорова), анализ модально-персуазивной квалификации языкового события (И.А. Нагорный), формы истинных высказываний о сомнительных фактах (Ю.И. Левин), развитие теорий референции (А.Д. Шмелев), функционального синтаксиса (А. Мустайоки), неопределеннозначности (А. Киклевич), используя сравнительный языковой материал (Э. Керо Хервилья), лингвисты доказывают интенсивную работу рассматриваемой языковой категории. Ее, по наблюдениям В.З. Санникова, охотно использует говорящий в целях языковой игры. Данный смысл, по Ю.И. Левину, организует прием ухода от ответственности за информацию и запускает механизм искажения истины, когда маркеры – *как мне сказали.., говорят.., слышал, ходят слухи* и т.п. – подают событие, отраженным в универсуме некоего неопределенного индивида или массового общественного субъекта. Те же показатели, как доказывает Т.М. Николаева, выполняют и социальные «лингводемагогические» функции, помогая конструировать особый фантомный социум: за его коллективное мнение прячется автор высказывания, направляющий оценку против адресата: *А в классе про тебя говорят..., В институте считают...* и т.д.

На неопределенность как на общее отличительное свойство устной речи, проявляющееся не только в непредсказуемом соотношении синтаксических форм, но и в нечеткости семантических операций, в расплывчатости информационного «пятна», в неструктурированном смысле, в конце 70-х гг. обращает пристальное внимание Б.М. Гаспаров. С этого момента специалистов все более интересует функциональный аспект проблемы: лингвистический обзор то сужается до границ отдельной коммуникативной ситуации, то расширяется до пространства необозримого функционально-стилистического поля. Стилистическую универсальность рассматриваемой категории доказывают ее разнообразные проявления в художественном тексте (М.Н. Володина), разговорной речи (Л.А. Капанадзе и Т.М. Николаева), в газетно-публицистических и риторических жанрах советской эпохи (Л.М. Грановская), и особенно в речевой практике политической сферы и современных СМИ (Л. Геллер, М.Р. Желтухина, Е.В. Ключев, Г.А. Ключарев, Г.Я. Солганик, Е.И. Шейгал).

Вообще выходя за рамки лингвистических рассуждений, следует характеризовать неопределенность как категорию общегуманитарного знания: она обсуждается во многих аспектах и обеспечивает терминологию различных наук. Для коммуникативистики резко увеличившийся массив фактов языковой

неопределенности есть отражение характера современной эпохи – составляющей энтропии, специфического свойства информационно-коммуникативного поля. Культурология, семиотика, социальная философия и литературоведение связывают названное свойство с реалиями изменчивого культурного сознания последних десятилетий. Наряду с парадигмой неясностей, ошибок, пропусков, пародийностью, стремлением к языковой игре неопределенность составляет характерный портрет постмодернизма.

Проделанный обзор высвечивает еще одну, можно сказать, аксиологическую сторону вопроса: неавторизованная информация, образуя крупный содержательный блок в глобальной проблематике неопределенности, оказывается через нее явно, но не однозначно оценена. Вытеснение конкретной информации и воцарение неопределенности – главные характеристики коммуникативной модели «обывателя» – Т.М. Николаева определяет как отрицательные характеристики, достойные критического отношения и противостоящие признакам элитарной речевой культуры. С другой стороны, Б.М. Гаспаров, наблюдая за проявлениями неопределенности в крупном масштабе устной речи, усматривает в ней качество позитивного, помогающее строить сложный, богатый оттенками, непередаваемый другими способами коммуникации смысл. А Ю.И. Левин, переводя рассуждения в самый общий план философии языка и говоря об «океане истинностной сомнительности», в который погружен говорящий человек, не только констатирует данное положение вещей, но находит его высоко ценностным и перспективным для дальнейшего познания истины.

1.2. Если содержание неавторизованной информации уходит корнями в семантику неопределенности, то ее динамическая составляющая связана с реальностью общения. Выделяются, по крайней мере, четыре направления, дающих методологическую и методическую возможность подходить к анализу неавторизованной информации в современной коммуникативной среде как к серьезной научной проблеме: социалингвистика (В.И. Беликов, Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, Е.А. Земская, В.И. Карасик, М.В. Китайгородская, Л.П. Крысин, Е.Д. Поливанов, Н.Н. Розанова и др.) теория коммуникации (Г.П. Бакулев, М.К. Башаратьян, В.М. Березин, Л.М. Землянова, С.Г. Корконосенко и др.) общая филология (Ю.В. Рождественский и др.) и речеведение (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.П. Сковородников, А.А. Холодович, Т.В. Шмелева, Л.П. Якубинский и др.). Здесь наименее важен вопрос о приоритете: какая из перечисленных выше наук занимает место ведущей, претендуя на максимально широкую зону исследовательского влияния.

Каждое из этих направлений с разных позиций и в разном объеме обсуждает один предмет – структуру и природу языковой коммуникации. Социалингвистика делает главным героем действующего субъекта общения, человека говорящего в совокупности его языковых и социальных характеристик; коммуникативистика занята исследованием процессов языкового взаимодействия в условиях современного информационного общества; общая филология выводит в центр интереса текст с его фактурами, различными в разных сферах коммуникации. Если расширять выведенный список прагмалингвистикой, то она

заставляет сосредоточиться на детальном анализе экстралингвистических условий и компонентов речевого акта.

И все же, имея необходимость выбрать одну их коммуникативно ориентированных теорий в качестве методологической базы работы, мы решаем вопрос в пользу речеведения.

Только речеведение с его кардинальным интересом к принципам и обстоятельствам использования языка в речи представляет четкий подход к анализу языкового объекта, особенно встроенного в конструкцию диалога и мыслимого как его составная часть. Суть этого методологического подхода, по Т.В. Шмелевой, состоит в комплексном анализе любого языкового факта с трех позиций: его вербального воплощения, речевых условий его создания → обращения, а также его текстовой принадлежности. Рабочей, таким образом, признается триада «язык – речь (коммуникация) – текст», обретающая динамику в пространстве человеческого общежития.

С одной стороны, сотни имеющихся дефиниций текста, речи и языка в высшей степени взаимообусловлены, с другой стороны, многие из них определяются через понятия коммуникации и информации; речь же вообще качественно оценивается как главный способ коммуникации. Все это говорит о научном соответствии между предметом исследования – неавторизованной информацией в коммуникативной среде – и выбранным методологическим подходом, создающим прочный лингвистический каркас для его описания.

Во второй главе «Неавторизованная информация в коммуникативной среде: содержание и механизм обращения» в соответствии с принятой логикой изложения «от общего к частному» представлен механизм обращения неавторизованной информации. Его работа рассмотрена в трех аспектах. Первый – «технологический» – определен способом массовой передачи неавторизованной информации в коммуникативной среде; в соответствующем разделе описывается Устный Канал как канал массовой коммуникации, текстовое наполнение текущих по нему информационных потоков, механизм работы и правила поведения в границах Канала. Второй аспект – «функционально-прагматический» – задан спецификой введения неавторизованной информации в речевую ситуацию; важным для изучения становятся причины использования неавторизованной информации и ее языковые маркеры, а также структура самой ситуации и механизм ее диалогического развития. Третий аспект – «содержательный» – обнаруживает суть «вмещающих» новостной анонимный посыл высказываний; этими высказываниями являются слухи, а в центр лингвистического внимания попадает более чем столетняя научная история слухов, их свойства, механизм и практика распространения, проблема соотношения сплетен и слухов, наконец, их образ в русской языковой картине мира, реконструированный на материале СМИ.

2.1. В результате обработки научных источников и последующего детального анализа материала определено, что в коммуникативной среде наряду с массовой печатью, телевидением, радио и Интернетом существует еще один канал массовой коммуникации, который правомерно включать в известную классификацию, который в обстоятельствах современного общения видимо

заполнен слухами (но не только ими) и который назван **Устным Каналом**. Он имеет собственное эффективное устройство, используется для коллективного распространения социально значимого информационного продукта, в том числе неавторизованной информации, и работает путем передачи текстов от человека к человеку по принципу речевой цепи либо сети.

Устный Канал обладает важнейшими характеристиками, объединяющими его с прочими признанными каналами (множественность коммуникантов, доступность, распространенность, эффективность воздействия на адресата), но имеет и специфику: глубоко традиционен, «технически» прост, находится в непосредственной близости к массовому адресату, делает его главнейшим элементом своего механизма.

Содержательный массив Устного Канала составляют три относительно автономных информационных потока: фольклор, молва и выделенные в процессе исследования тексты житейской мудрости. Определяя данные блоки, мы исходим из их смысловой, функциональной разницы и ряда особенностей бытования.

Фольклор представляет собой повсеместно принятые в границах культуры авторитетные устно-речевые тексты. Главное предназначение таких текстов – сохранение и передача национальной и групповой художественной культуры, а также эстетическая функция, приписываемая фольклору как выразителю безымянного народного гения. Фольклорные тексты «вынимаются из запасников человеческой памяти» нерегулярно, преимущественно на отдыхе или в период произвольного социального «простоя», когда появляется время развлечься, получить удовольствие от восприятия творческого текста и одновременно активизировать национальные культурные установки.

Молва берет на себя функцию оперативного новостного ресурса устного сообщества, помогая человеку ориентироваться в сиюминутной ситуации, прогнозировать будущие события и – планировать собственное поведение. Передача таких сообщений: *слухов, разговоров, ходячих вестей, толков, пересудов, рассказней, сплетен, кривотолков, наговоров, наветов, болтовни, говора и славы* – происходит относительно быстро и длится до тех пор, пока необходимость и заинтересованность в них ощущают члены языкового коллектива.

Молва и есть всякая неавторизованная информация, курсирующая по Устному Каналу с момента приобретения ею качеств оперативной актуальной новости.

Тексты житейской мудрости формируются сводом неписаных советов, правил национального и группового общежития, его моральных установок. Они поддерживают традиционную жизнь социума, но особо эффективны в ситуациях воспитания, посвящения, проникновения в национальный / корпоративный коллектив неопитов, незнакомых с укоренившимися в группе моделями поведения, иерархическими и демократическими статусными связями, привычками лидеров и т.п.

Определено, что в данный содержательный блок входят социально ориентированные своды правил, названные в диссертации «кодексами посвященных». Каждый такой свод имеет обозримый радиус действия и прямо

связан с культурными и социальными стереотипами. Хотя в повседневных жизненных обстоятельствах кодекс обычно никак себя не проявляет, поскольку люди действуют в его рамках, – 1) на принципиальных этапах развития диалога (тематический посыл, аргументация, обобщение) либо 2) в моменты пограничного взаимодействия (эпатажное поведение «своего», внедрение в коллектив «чужого») неизбежна рефлексия, обновляющая жизнь этого неписаного законодательства. Транслировать его берется любой член коллектива, когда он осознает себя в роли учителя и решает, к примеру, сделать «чужого» «своим»:

На работу у нас приходят за десять минут до начала, еще лучше раньше. Зато нормально уйти за минут пятнадцать до шести, особенно, когда уже все сделаешь; [студентке-иностранке] Ты куда это пошла?!... Щас я буду тебя учить... У русских принято снимать обувь, когда в домходишь! (Речь Красноярска. Архив автора).

Мы предлагаем включить в данный блок текстов, кроме того, пословицы, поговорки и приметы, главный источник народного здравого смысла, а также верования и общепризнанные высказывания, авторство которых приписывается народу.

Первые три жанра традиционно причисляются к фольклору, многие из них эстетизированы по форме, однако, функционально ориентированы как раз в прямом обучающем направлении. Разница между ними и «кодексами посвященных» состоит лишь в том, что, если последние регулируют поведение и организуют пространство локального коллектива, то пословицы, поговорки и приметы, верования излагают национальные / универсальные взаимосвязи и законы человеческого и природного общежития.

Общепризнанные высказывания, подобно пословицам и поговоркам, исполняют функцию аргумента или вывода в рассуждениях либо осмыслиют какое-либо положение дел. И в том и в другом случае говорящий пользуется приемом «ссылка на авторитет», как бы опираясь на народное мнение; ср.:

[праздничное застолье]

А [глядя на недопитую бутылку вина]: *Ну что это!.. Как в народе бы сказали: «Даже пузырь не смогли раздавить»!*

Б [оправдывается]: *Да что тут... Уже не хочет, наверно, никто... Ну давайте, правда, разольем!*

(Речь Красноярска; ноябрь 2007. Архив автора).

К рассматриваемому содержательному блоку относятся, помимо прочего, всевозможные медицинские и кулинарные «народные рецепты», садоводческие «инструкции», в великом множестве курсирующие по Устному Каналу в пределах российского географического пространства. Таким способом национальное прагматическое сознание отмечает три важных области приложения человеческих усилий: здоровье, пища, земля. Время от времени на этом динамичном поле знания появляются предметные темы-фавориты: «Мумие», «Золотой корень», «Золотой ус», «Тибетский грибок», «Обливание ледяной водой», «Салат из болгарского перца» и т.п.; см. пример:

[разговор знакомых на пляже]

А: *Лена! Ну как вы тут живете?*

Б: *Да все хорошо. Просто замечательно! Сегодня вот за клубникой на озеро к Лебяжьему ездили, с Леной и с Валею <...>*

А: Это очень хорошо. Клубнику надо есть. Мы тоже в выходные поедим... Говорят, клубника – именно такая лесная клубника, наша, – сосуды чистит. Ее надо прямо много есть и есть. Прямо с черенками, с этими... с плодоножками, как можно больше!

Б: А я и не знала. Надо же! [кричит стоящей в отдалении подруге] Лена! Слышишь, Света говорит, что лесная клубника очень хорошо от сосудов. Сосуды чистит.

(Речь Краснотуранска; июль 2010. Архив автора).

Ведущей, следовательно, в данном случае нужно признать дидактическую функцию. Житейская мудрость нацелена на передачу знаний через интерпретацию принципов и норм жизни общества. По сути, она близка к культурообразующей функции фольклора, может быть, исходит из нее, однако, более утилитарна, прямо подводя к методике воспитания и адаптации личности. Ее тексты лишены творческой патетики и не могут быть причислены к произведениям высокого искусства.

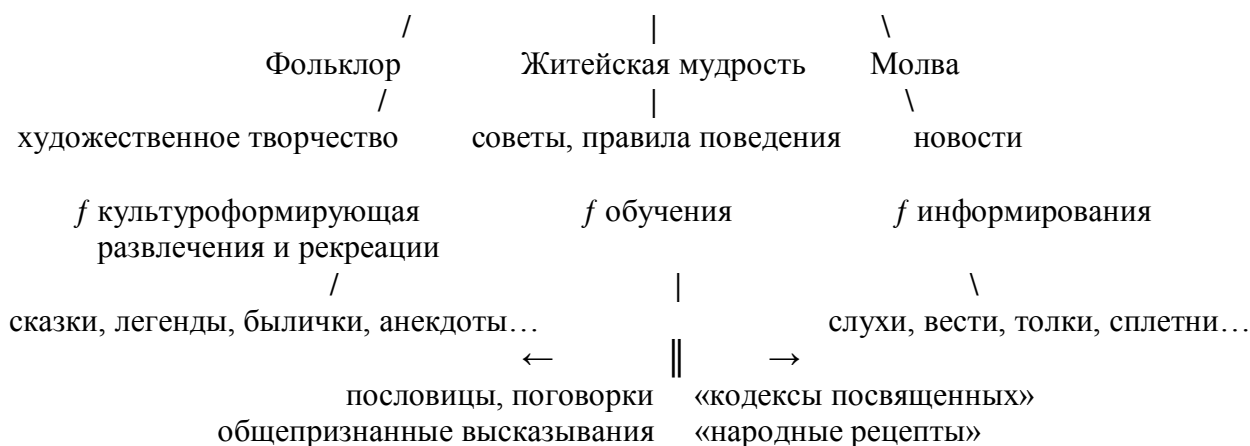
Вместе с тем, житейская мудрость не тождественна молве, отличительным свойством которой является кратковременность существования – тексты житейской мудрости составляют постоянный знаниевый фонд коллектива, они «достаются» оттуда время от времени и, выполнив свою обучающую функцию, вновь ложатся на хранение до очередного подходящего момента.

Следует прийти к выводу, что природа рассматриваемого вида словесности промежуточна: как и фольклор, его тексты имеют дискретный режим обращения и – подобно молве, представляют актуальное в определенных обстоятельствах для определенной личности знание.

Результаты рассуждений отображены в схеме 1.

Схема 1.

Устный Канал

Итак, молва, фольклор и, добавим, «житейская мудрость» как виды устной словесности циркулируют по одному каналу, имея общую механику обращения, устную анонимную вариативную природу, качество коллективной «надобности», схожи в своей интертекстуальности. Кроме того, нет непреодолимых границ между жанрами внутри Канала: наблюдения О.Г. Агеевой и Б.И. Колоницкого, в частности, свидетельствуют о регулярной трансформации фрагментов молвы в жанровые формы фольклора.

Главное формальное свойство фольклора, молвы и «житейской мудрости» мы находим в способе их существования. Передача и хранение подобных текстов,

по С.Ю. Неклюдову, возможны только при непосредственном общении людей: «Передавать и хранить устный текст без его периодического воспроизведения нельзя (выделено мной. – Е.О.)». Последнее замечание подводит к необходимости проанализировать механизм работы Устного Канала.

Определено, что на его успешное функционирование влияет состояние пяти главных параметров; назовем их «момент ввода», «способ» и «периодичность» трансляции, а также «пространственный» и «временной» параметры. Каждый из них работает в двух основных режимах – обычном и усиленном.

На этапе ситуативного ввода информации используются индивидуальный и групповой режим взаимодействия коммуникантов, когда она обеспечивает личное общение tête-à-tête либо единовременно направляется множественному адресату.

Последующая трансляция легко осуществляется как по простой цепи от субъекту к субъекту, так и по сети, расходясь и сходясь речевым веером во множестве коммуникативных узлов.

Кроме того, трансляция может характеризоваться разной степенью периодичности: тогда текст либо находится в состоянии перманентной циркуляции (как слухи), либо имеет дискретный режим обращения, лишь по случаю или по необходимости «вынимаясь» транслятором из запасников коллективного фонда знаний и передаваясь адресату (как фольклорные тексты и тексты «житейской мудрости»).

Уровень пространственного покрытия Канала аналогично предполагает два варианта: это не только локальная зона местного действия с границами, заданными групповой нуждой в знании, но в ряде случаев – обширный коммуникативный захват, обусловленный интересом к информации большей части национального коллектива.

Наконец, общий период существования сообщения может быть долговременным или кратковременным в зависимости от устойчивости интереса социума к его содержанию.

Если в усиленном режиме активируются несколько параметров, достигается суммарный эффект – интенсивное функционирование Канала.

Яркий образец работы Устного Канала на пределе возможного представляет собой возбужденная, испытывающая дефицит информации толпа. Внутреннее напряжение людей, которых собрал вместе какое-либо событие, побуждает их к разговорам друг с другом. Тогда включаются сразу четыре усиленных режима распространения сообщений: вследствие высокой концентрации индивидов информация сразу становится достоянием группы и расходится по сети почти мгновенно, сплошной волной накрывая людское скопление и достигая самых крайних его пределов.

Другое доказательство эффективности устной трансляции, как отмечают исследователи (А.Г. Караяни, И.Б. Орлов), поразительно высокая скорость, которую развивает иногда циркуляция слухов. В частности, Д.С. Горбатов приводит данные о том, что почти 70 % американцев получили информацию об убийстве Джона Кеннеди по каналам межличностного общения в течение получаса после выстрелов в Далласе.

2.2. Рассмотрев механизм обращения неавторизованной информации и соположенных с ней феноменов в устной коммуникативной среде, исследуем теперь частные обстоятельства ее введения в спонтанную речь.

Поскольку каждое звено устной коммуникативной цепи есть **ситуация прямого диалога**, она – единственно возможная точка проникновения информации в речевую действительность, важнейшая составляющая работы Устного Канала.

Участники подобного взаимодействия в зависимости от контекста оказываются друг в отношении друга «своими» либо «чужими».

Очередные новости, в том числе слухи, разговоры, сплетни, вести, люди регулярно обсуждают в кругу семьи, в пространстве, которое М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова называют «Домом». В пределах «Дома» следует говорить о выделенных локусах, где по преимуществу идет обмен подобного рода информацией – это локусы кухни или общесемейного отдыха, – и об уточненной временной координате – вечернее / послерабочее время. Неавторизованную информацию, преобразованную в форму анонимной новости, вмещают фатические по целенаправленности тексты, давая членам семьи или соседям новую тему для общения, позволяя «своим» в процессе обсуждения взаимно демонстрировать коммуникативную и как следствие – социальную сопричастность.

Часто такая новость поступает к человеку от незнакомого ему субъекта, расположившегося вблизи по произвольному стечению обстоятельств. Узнаваемые локусы в этом случае: общественный транспорт, магазин или рынок, поликлиника, улица, городской праздник, митинг, очередь – то, что М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова именуют сферой «Вне дома».

Во всех перечисленных случаях чужие друг другу люди на некоторое время физически связаны ограниченным пространством, исполнением аналогичной временной роли (например, пациента, отдыхающего, пассажира или покупателя, отдыхающего или зеваки) и поэтому – принадлежностью к одному, по случаю создавшемуся коллективу. Если положение дел «расцветчивают» обстоятельства длительного ожидания, когда человек вынужден буквально бездействовать, это становится благодатной почвой для случайного общения, инициировать которое помогает и содержание которого формирует как раз неавторизованная информация. Ее составляют сюжеты об очередном повышении цен на продукты и коммунальные услуги, отключении воды, о погоде, выборах, то есть обо всем актуальном и интересном для неустойчивой социальной группы.

Со стороны инициатора взаимодействия возможно двоякая реализация выбранной им коммуникативной функции. Анонимная новость рассказывается приглушенным голосом или шепотом, с характерным наклоном головы, с пальцем, касающимся губ, и только ближайшему соседу, что приобретает очертания кулуарности, посвящения в некую закрытую тему и подробно описывается Г.Е. Крейдлиным и М.В. Самохиным как «поведение заговорщика». Но время от времени демонстрируют себя «любители публичного исполнения», и тогда новость сообщается открыто, громко, с явной установкой на активное

обсуждение или хотя бы пассивное осведомление наибольшего числа окружающих.

Самый впечатляющий объем неавторизованной информации (по итогам различных социологических опросов – от 41% до 58%) обращается также среди «своих», но уже не родственников и соседей, а друзей, коллег по работе, приятелей либо членов малой социальной группы, вошедших в нее на основании неформального интереса. Тексты публикуются в этом случае в известных местах и в «дежурное» время неформального общения: в курилке, в столовой и буфете, в офисе и коридоре, во время обеденного перерыва, в корпоративных пространствах, в условиях послерабочего отдыха и телефонного разговора.

Итак, анонимная новость может быть размещена во внешнем, открытом поле коммуникации; тогда, учитывая известную дихотомию «свое – чужое», следует констатировать, что она распространяется от «чужого» к «чужому» и в «чужом» локусе. Не менее часто та же новость обсуждается среди «своих» в границах «своего дома». Не исключен и третий, промежуточный, вариант обращения интересующих нас текстов – между видимо «своими» (друзьями, приятелями, знакомыми, коллегами) в относительно закрытом и относительно «чужом» пространстве профессионально-корпоративной среды.

Что касается механизма развития исследуемой ситуации, то жестко фиксированных сценариев введения и обсуждения этого специфического текстового материала не существует: слишком обширно его содержание и слишком велика именно в данном случае свобода от «установленного порядка изложения». Поэтому аналитические усилия были направлены не на реконструкцию цельных коммуникативных сценариев, а на выявление варьируемых коммуникативных ходов.

В заданных границах ситуативного диалогового общения выделено 14 коммуникативных ходов; см. таблицу 1.

Таблица 1.

Введение сюжета	Развитие сюжета	Блокирование сюжета	Выход из сюжета
введение темы → вовлечение в тему	запрос экспертизы → экспертиза	введение темы → уклонение от темы	запрет трансляции → согласие с запретом
	запрос источника → обнаружение источника	введение темы → отторжение темы	исчерпанность темы → переключение темы
	запрос подробностей → обнаружение подробностей	введение темы → переключение темы	

Собранные воедино, эти ходы образуют систему, держащуюся на двух основаниях. Прежде всего, они представляют достаточно устойчивые и частотные коррелятивные пары, первый член которых размещен в реплике инициативной, а второй – в реплике реактивной; к примеру: введение темы → вовлечение в тему,

запрос экспертизы → экспертиза, запрос источника → обнаружение источника. Каждая пара, в свою очередь, входит в один из четырех блоков-этапов развертывания коммуникации: 1) введение сюжета с маркером неавторизованной информации, 2) развитие этого сюжета либо 3) его блокирование, 4) завершение, выход из него; см. пример:

[разговор двух подруг на кухне]

А: Ты слышала, там перед тем, как нам уезжать, было убийство? [введение темы-1]

Б: Мгм.

А: Ты слышала, да? <...> И вот его директора, в общем, убили. Он ушел в гараж. Его сидит жена... Все нету, нету, нету, нету. Кошмар! Тоже пошла в гараж, а он там валяется! Сразу, вообще [обнаружение подробностей]

Б: Барковский – «Назаровское молоко»? [запрос подробностей]

А: Нет. Барковский – это «Назаровское молоко». А это – «Агатинская вода» <...> [обнаружение подробностей]

Б: Слышала, называли... [вовлеченность в тему] Вот этот, а потом ещё следом один... [введение новой темы-2]

А: Сперва Моисеева, а ещё... [обнаружение подробностей]

Б: Про Моисеева я слышала [вовлечение в тему]

А: У Моисеева, короче, из дома утащили всё. И у Хованских [обнаружение подробностей]

Б: Да! Вот про Хованских я слышала <...> [вовлечение в тему]

(Речь Красноярска; 2000. Архив каф. русс. яз.).

Как видно, развитие подобных диалогов, несмотря на отсутствие точных коммуникативных сценариев, свидетельствует об имеющейся системной закономерности: наличие коррелятивных ходов и коммуникативных блоков – доказательство этого. Вместе с тем, реконструированную систему нужно рассматривать только как потенциальную модель, включающую более крупные и менее крупные факультативные единицы. Каждый раз они активируются в новой цепочке коммуникативных ходов, сообразованных с обстоятельствами общения, составом и характеристиками его участников, а также их целеустановками.

Наиболее эффективным с точки зрения «продвижения» неавторизованной информации в открытую речевую среду признан блок развития сюжета. Именно в нем происходит приращение дикумной части и формулируется ответ на вопрос «*Что еще об этом?*»: событийная основа дополняется и углубляется обстоятельствами-сирконстантами, участниками-актантами, характеристиками-квалификативами, расставляются акценты в отношении причин и следствий происшедшего с помощью одноименных логических пропозиций.

Кроме интереса собственно содержательного, в границах рассмотренного блока коммуниканты реализуют интерес, направленный на субъективную природу текста, особо выделяя две квалификативные категории: персуазивность, когда высказывают мнение по поводу «правдивости» (достоверности) информации, и авторизацию в случае, если на первый план выходит обсуждение / обнаружение ее источника. Внимание к этим смыслам модусного спектра неслучайно. Неавторизованная информация по определению обладает качеством анонимности, а значит, может вызвать встречное недоверие, что изучается и преодолевается в процессе живого диалога (решение внутренних вопросов-интенций «*Правда / неправда?*» и «*Кто источник / автор?*»).

В целом выделенные коммуникативные блоки соотносятся с фазами «Трансляция – Восприятие – Экспертиза», выделенными в четвертой главе диссертации при реконструкции «Процесса обращения неавторизованной информации» в авторской картине мира (см. разд. 4.1. автореферата).

В связи со сказанным закономерно встает вопрос: когда неавторизованная информация разрывает рамки частной ситуации и уходит в Устный Канал, заводя механизм трансляции?

Принципиально ответ формулируется следующим образом: чтобы стать массовой, неавторизованная информация должна удовлетворять качествам оперативности и актуальности, то есть быть, во-первых, новой, а во-вторых, важной и / или интересной для социального коллектива. Помимо сказанного в обстоятельствах ее «введения в оборот» должны соблюдаться ряд условий, главное из которых – дружественное или, по крайней мере, кооперативное общение, заданное толерантным или, по крайней мере, нейтральным отношением коммуникантов друг к другу.

2.3. В границах Устного Канала неавторизованная информация обращается преимущественно в форме **слухов** – специально предназначенных массовой речевой практикой для выражения анонимного новостного «контента».

Участвуя в организации современной коммуникативной среды, слухи имеют богатую социальную и научную историю. Более чем сто лет они изучаются в социологии и философии, семиотике, теории и практике коммуникации, в сфере политических технологий, теории рекламы и менеджмента. В диссертации представлена библиография по теме и смежным с ней предметным областям – «молва», «сплетни», «городские легенды», – включившая 417 источников.

Каждое из перечисленных направлений разрабатывает интересующее нас предметное поле глубоко и плодотворно, уступая, однако, лидирующее место социальной психологии (американская и европейская традиция, сформированная исследованиями Т. Шибутани, Л. Фестингера, Р. Кнаппа, Г. Оллпорта и Л. Постмэна) и истории (отечественная традиция, питающаяся идеями Н.А. Добролюбова и Г.В. Плеханова, А.З. Попельницкого и И.И. Игнатовича, К.В. Кудряшева и В.Е. Сыроечковского, развитая в трудах С.Н. Чернова, Б.И. Колоницкого, И.В. Побережникова и мн. др.).

В общей филологии на слухи как на научный объект в конце 70-х гг. XX века опосредованно указал Ю.В. Рождественский, говоривший о них в широком контексте молвы. Спустя два десятилетия В.В. Прозоров вновь вернулся к теме, назвав ее перспективной для комплекса филологических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, фольклористики и литературоведения. С того момента слухи исследуются в двух направлениях – как феномен коммуникативной природы и как выделенный фрагмент русской языковой картины мира (И.С. Веселова, Т.А. Долгая, В.Г. Костомаров, М.А. Кормилицына, Г.Е. Крейдлин и М.В. Самохин, В.В. Максимов, М.С. Михайлова, Э.Р. Сайфуллина, А.Н. Сперанская, С.М. Толстая, И.В. Утехин). Причем некоторые авторы мотивированы этим двойным интересом. Литературоведы изучают слухи и сплетни в аспекте «действенности слова», меняющего судьбы героев художественных произведений, и как один из пружинных механизмов сюжета

(В.Н. Волошинов, Ю.Н. Тынянов, В. Высоцкая, П.В. Николаева, А. Синявский, К. Соливетти).

В научной литературе нельзя найти устоявшегося определения слухов: одни исследователи видят в них режим существования современного общества и фрагмент массовой актуальной информации (В.И. Андриянов, В.К. Левашов, А.Т. Хлопьев), другие – специфический вид межличностной коммуникации и психологического влияния (В.П. Шейнов), третьи – субдискурс мелкой обывательской сенсации (И.В. Силантьев), четвертые – циркулирующую форму коммуникации (Т. Шибутани), пятые определяют слухи как коммуникативный канал (А.Ю. Панасюк, Н. Пиков, А.Н. Сперанская), наконец, как единицу массового общения, вид сообщения и «кусочек» текста, сознательно утерянного официальной культурой (Г.Г. Почепцов).

Мы не отказываемся до конца ни от одной из перечисленных точек зрения, поскольку каждая из них помогает раскрыть многомерность нашего объекта. Однако представляем и ту позицию, на которую встали самостоятельно. Она состоит в том, что природа слухов есть текстовая природа. А поскольку тексты этого рода представляют относительно устойчивые тематические, стилистические и композиционные типы, определим слухи как самостоятельный **речевой жанр** – ключевой в оформлении и передаче **неавторизованной информации**. Иными словами, цель его состоит в массовом, изначально устном распространении оперативной актуальной новости, авторство и достоверность которой не установлены и ответственность за которую никто не несет.

Возникновение и обращение «слуховой» информации представлены рядом этапов.

Первый этап имеет под собой психологическое основание и обсуждается в работах соответствующей научной направленности. Исследователи утверждают, что истинная причина возникновения текстов слухов – коллективное бессознательное и его проявление как ответ на тревожные ожидания и ситуацию неопределенности (Г.Г. Почепцов).

Известна, в частности, классификация слухов, учитывающая различные психологические потребности коллективного субъекта в информации подобного рода (Р. Кнапп, А.П. Назаретян, Ю.А. Шерковин). Ее составляют три типа. Прежде всего называется «слух-желание», который в современных условиях периодически возникает в циркулирующих текстах о зарплате. Другой единицей классификации является «слух-пугало», «востребованный» в экстремальных ситуациях, например, в начале 90-х гг. прошлого столетия в связи с кризисом российской экономической системы и периодическим исчезновением на рынке товаров первой необходимости или с резким возрастанием цен на продукты. Психологи выделяют в отдельный тип еще «агрессивный слух», или «слух-разделитель», так же, как и «слух-пугало», связанный с экстремальными социальными и экономическими ситуациями и регулярно сопровождающий последний в пространстве и времени. «Агрессивный слух» формирует сюжет, развивающий тему межгрупповых и межэтнических конфликтов. В итоге, по Ю.В. Щербатых, восприятие и последующая передача слуха того или иного типа

сопровождается большими или меньшими переживаниями, компенсирующими дефицит эмоций у современного человека.

Второй условный этап развития слуха – формулирование базисного суждения, исходной идеи текста. Этот фундамент слуха составляют только что, совсем недавно родившиеся предтексты: мнения, толки, пересуды, рассказы (Г.Г. Прозоров).

С момента оформления базисного суждения в текстовую форму начинается цепочечная или сетевая трансляция слуха, иными словами, его обращение в коммуникативной среде. Высказывание становится, по мысли В.В. Прозорова, двусоставным: в него непременно входит не только сюжетная основа, но и трансформирующий контекст с элементами добавочных эмоционально-экспрессивных замечаний либо дополнительных содержательных пояснений, мнений, мотивировок и выводов. Одна идея каузирует бесчисленные варианты «присочинений»: сообщений о предмете слуха (*Вы слышали это?; Послушай, я тебе больше этого скажу!*), сообщений о сообщениях (*А в «Новостях»-то совсем по-другому говорят; Я в Интернет зашел, туда эту информацию тоже «слили»*), фрагменты оценочного содержания (*Боже мой!; А жить-то как?; Хорошо бы, все это правдой оказалось...; Люди зря говорить не будут*).

Так происходит в случае, если передаваемое содержание совпадает с внутренней установкой адресата, готового поглотить и переработать очередную порцию важной, будоражающей, а потому нарушающей стабильное социальное состояние информации. Это дает основание психологам, социологам и историкам выделять несколько разновидностей преобразования фабулы слуха: сглаживание, когда второстепенные детали сюжета исчезают, и он становится короче; заострение, при котором сохранившиеся детали характерно «выпячиваются», становясь более функциональными; приспособление, «подстраивающее» детали сюжета под национальные, этнические, социальные стереотипы и установки (Г. Олпорт и Л. Постмэн), а также усложнение (Т. Эспозито, Р. Росноу) или слияние (С.Н. Чернов).

Слухи, рассказы, толки рано или поздно исчезают вместе с утерей злободневности вызвавшего их события. Завершению обращения каждого конкретного слуха может способствовать и сопротивление ему, вызванное неприятием информации либо сомнением со стороны слушателей: *Вряд ли это так...; Да ну тебя!; И ты что, всему этому веришь?; Ерунда какая-то!; Полная чушь!; Очередной бред твоих старушек*. Психологическое обоснование конечного этапа обращения слухов состоит в несовпадении установок аудитории с идеологическими либо эмоциональными установками передающего текст, а социальное – в потере актуальности вызвавшего их события.

Представляя механизм распространения слуха, обратим внимание на условные факторы, которые делают возможным его развитие.

В этой связи необходимо сослаться на Г. Олпорта и Л. Постмэна, а также на Т. Шибутани, которые вывели «основной закон слухов»:

'слух = важность события x неопределенность / двусмысленность информации'

Оба обозначенных условия определяют успешную циркуляцию по Устному Каналу актуальной для аудитории информации, сведения о которой,

поступающие, например, из официальных каналов, недостаточны или противоречивы и не вызывают доверия массового адресата.

Рядом с основными стоят сопутствующие факторы. Фактор личностного статуса прямо связан с выгодной ролевой позицией человека, передающего слух. Ведь он, становясь транслятором сообщения, привлекает к себе внимание и через это хотя бы ненадолго занимает позицию «лидера мнений». Противоположен по вектору и масштабу влияния фактор эмоционального баланса, позволяющий оптимизировать не внешнее социальное положение индивида, но приводить в баланс внутреннее эмоциональное состояние всего коллектива, способствовать его адаптации к изменившейся реальности. Тогда слух либо снимает чрезмерное эмоциональное напряжение, накопившееся в сообществе, ведет к психологической разрядке, либо напротив эмоционально заряжает группу, долго пребывающую в скучной, обедненной событиями ситуации (Т. Шибутани, Д.В. Ольшанский). С перечисленными факторами коррелируют потребности человека; некоторые из них он удовлетворяет, участвуя в процессе обращения слуха: имеются в виду познавательная, эмотивная, утилитарная потребности и потребность в удовлетворении престижа (Ю.А. Шерковин).

В настоящее время признается не только всеобщая поддержка слухов электронными, печатными масс-медиа, а также Интернетом в форме постоянных ссылок и цитат, но и продуцирование ими множества слухов, развивающее эффект «глухого телефона».

В общем, можно утвердиться в мнении о коммуникативно-текстовой природе слухов. Большинство из обнаруженных стадий их развития совмещаются с этапами работы Устного Канала коммуникации, сам же тип текста живет до тех пор, пока, циркулируя, находится в речевом движении – и умирает с потерей социальной актуальности.

Итак, слухи – сложны, амбивалентны по сути. Их квалифицируют как устойчивый тип высказывания и как коммуникативный канал. Они рассказывают о «чужих» и о «своих», вмещают и сенсационное и обыденное сообщение, развлекательную и прагматическую информацию, потешную и трагическую новость. Их тексты достоверны и ложны, им доверяют и их отвергают в качестве источника, они бурно «расцветают» в ситуации социального катаклизма и спокойно «произрастают» в обстоятельствах рутинного однообразия. Они не подвластны контролю и используются в качестве действенной коммуникативной технологии, они могут не выходить за пределы офиса и объемлют тысячекилометровые пространства, вялотекущи и стремительны.

Именно эта их универсальность, привлекая коммуникативно активных субъектов, эксплуатируется всеми каналами практически в любой области коммуникативного пространства.

Являясь по природе устными текстами, вместе с тем, слухи так зависимы от обстоятельств своего речевого существования, что начинают сливаться с этими обстоятельствами, идентифицироваться с ними, провоцируя подмену понятий и терминов. Вот почему в научной среде курсирует множество самых разнообразных определений слухов с акцентированием то на их коммуникативно-речевой, то жанровой или даже функционально-технической сущности. Данный

факт одновременно свидетельствует о значимости слухов в современной жизни. Еще конкретнее, о том, что они стоят в ряду важных и своеобразных элементов массового взаимодействия, независимо от размеров коллектива, серьезности обсуждаемых тем, стилевых, временных либо пространственных обстоятельств коммуникации.

Особо обращает на себя внимание то, что не только научное, но и общественное языковое сознание связывает со слухами Устный Канал их обращения, что проявляется в типичных словоупотреблениях «слуховой канал», «канал слухов» – вплоть до метонимической замены «слухи как канал коммуникации». Фактически слухи – символ Устного Канала коммуникации, анонимного, а потому доверительного коллективного взаимодействия, а отсюда – символ речевого и информационного демократизма, все участники которого активны, равноправны и свободны в общении.

В третьей главе «Тексты с маркером неавторизованной информации: структура и функции» на материале текстов современной периодической печати и электронных СМИ исследованы коммуникативное и конструктивное взаимодействие модусных субъектов неавторизованной информации, семантическая структура модуса и диктума газетных текстов, текстовые функции диктума, а также обусловленность введения неавторизованной информации в границы СМИ (причина, цель, медийные функции неавторизованного контекста).

3.1. Выявлено, что присутствие **модуса** неавторизованной информации в газетных и журнальных текстах может быть генеральным либо локальным.

С генеральным модусом неавторизованной информации массовый адресат сталкивается, когда обсуждению какого-либо конкретного слуха / «пучка» слухов посвящена вся публикация. Тогда число модусных позиций умножается, входя в зависимость от ее размеров и субъективной направленности, а неопределенный источник выведен как главный, нередко определяющий название статьи: «*Лаборатория слуха*», «*Одна баба сказала: теория и практика слуховедения*», «*На Кремль напозла лавина слухов*», «*Слухам можно верить*». Такой вариант модуса назван в диссертации оказиональным, поскольку автор формирует его от случая к случаю индивидуально, а цельный модусный «рисунок» масштабен и непредсказуем.

Генеральный модус неавторизованности может проявляться, кроме того, регулярно, когда эта регулярность задана редакторской политикой, структурой издания, отражаясь в названиях газетных и журнальных рубрик типа «*О чем говорит страна...*» и «*По слухам и авторитетно*» в «Комсомольской правде», «*Рейтинг слухов*» и «*Лаборатория слухов*» в «Московском комсомольце», «*События, слухи, сплетни, разговоры*» в «Московском комсомольце в Красноярске», «*Молва*» в «Аргументах и фактах», «*Говорят, что...*» в «Коммерсантъ–Деньги», «*Карта слухов*» в «Огоньке», «*По слухам и по существу*» в «Советском спорте», «*Слух номера*» в «Крестьянском фронте», «*О чем говорят*» в «Городских новостях» (Красноярск), «*Слух*» и «*Сплетень*» в «Комке» (Красноярск). Данный вариант модуса следует считать конвенциональным.

Локальным будет такое присутствие неавторизованного модуса, когда он занимает в статье место эпизода, зато оценивается как связующее звено тематически законченного содержательного фрагмента.

Текстовый фрагмент с включенной неавторизованной информацией принципиально диалогичен в модусной части. Наблюдения доказывают, что в ее оформлении участвуют три типа субъекта: автор – эксперт – субъект общего знания / слухи.

Позиция автора в тексте абсолютна. Экспертом в тексте выступает общественно интересное и / или компетентное, авторитетное лицо. Субъект общего знания апеллирует «к нерасчлененному коллективному “мы”», или, в идеологизированном виде, – к “народу”, “нации”: *(люди) рассказывают, (в народе) говорят* и т.п.

Неавторизованная информация внедряется в текст не только через модус общего, но и через модус экспертного знания. Отмечены случаи, когда неавторизованные экспертный и слуховой субъект работают сообща, усиливая неопределенность модусной рамки фрагмента; к примеру:

Говорят, что Б. Грызлов покинет пост спикера Госдумы, чтобы сосредоточиться на партийной работе. Комментарий «АиФ»: Источник в окружении спикера в разговоре с нашим корреспондентом опроверг эту информацию. По его словам, «утку» запустили недоброжелатели г-на Грызлова в самой «Единой России» (Аргументы и факты, № 50, 2005).

Показательно, что не только модус общего знания (слуховой), но и экспертный модус с готовностью предоставляет свои рамки для создания эффекта неопределенности, фиксируя отсутствие конкретного автора у некоторой части внутри текста. Их модус-позиции структурно взаимозаменяемы без ущерба для событийной части высказывания. Этим пользуются журналисты, играя на степени осведомленности об источнике и степени причастности к процессу добывания информации, подавая сведения более конкретно (*источник в пресс-службе Красноярской краевой администрации сообщил...*) либо максимально общо (*в городе говорят; по слухам*). В любом случае массовый адресат никогда не узнает об истинных коммуникативных обстоятельствах, которые сопутствовали получению информации.

Все три обозначенные выше модусных «участника» в текстах СМИ в свободном порядке взаимодействуют между собой и, неизменно верные стратегии прямого информирования, реализуют ее в тактиках информационной поддержки, опровержения либо нейтралитета: ср.:

К тому времени по миру пронесся слух [слух], что Фишер попал в лапы какой-то религиозной секты. Слух был оправдан: как выяснилось позже [автор], еще в конце шестидесятых он присоединился к апокалиптической «Всемирной Церкви Создателя» (Огонек, № 34, 2003);

По нашим данным [автор], в начале лета Кремль все-таки предложил Строеву остаться спикером. Обсуждалась даже возможность совмещения должностей. Но компетентные источники в Кремле однозначно заявили [эксперт] «МК», что никаких специальных поправок-законов «под Строева» приниматься не будет (МК в Красноярске, № 44, 2001);

Слухи о том, что Бабкина выходит замуж, появились в прессе приблизительно месяц назад [слух]. А причиной этому послужил тот факт, что Надежду стали все чаще замечать в компании одного из участников ансамбля «Русская песня». Стали говорить [слух], что эти двое встречаются давно и часто, а к Новому году вообще собираются зарегистрировать свои отношения. Тем не менее, на прямой вопрос «Собираетесь ли вы выходить замуж?» Надежда

Бабкина ответила [эксперт], что, мол, хоть сейчас, только за кого? В общем, не призналась она. Может, просто хитрит знаменитая казачка? (Моя семья, № 41, 2001).

Возможные способы взаимодействия модус-позиций в тексте с включенной неавторизованной информацией представлены ниже в таблице 2, строки которой образованы парами направленного взаимодействия модус-позиций, а колонки – выделенными знаками этого взаимодействия.

Анализ материала показывает, что в большинстве случаев реализуется тактика поддержки информации, а отнюдь не тактика опровержения, как могло бы показаться при беглом знакомстве со слуховыми контекстами. Модусы автора, эксперта и субъекта общего знания, скорее, выполняют единую задачу развития текста, чем провоцируют открытый коммуникативный конфликт.

Таблица 2.

Комм. тактика Модус-позиции	Поддержка	Опровержение	Нейтралитет
$M_{авт.} \leftarrow M_{общ. / слух.}$	+	+	-
$M_{общ. / слух.} \leftarrow M'_{слух.}$	+	+	+
$M_{эксп.} \leftarrow M_{общ. / слух.}$	+	+	-
$M_{общ. / слух.} \leftarrow M_{эксп.}$	+	+	+
$M_{эксп.} \leftarrow M'_{эксп.}$	+	+	+
$M_{авт.} \leftarrow M_{эксп.}$	+	+	-
$M_{слух.} \leftarrow M_{авт.}$	+	+	-
$M_{эксп.} \leftarrow M_{авт.}$	+	+	-

3.2. Диктум, или событийное содержание, текстов исследуемого типа стремится к полярности. Один полюс концентрирует вокруг себя сюжеты социальной, а другой – личной сферы.

Внутри социальной сферы особо выделяются несколько содержательных пространств – конкретных областей человеческой деятельности: спорт, военные действия, правопорядок, экономика, политика; к примеру:

Как поведут себя игроки? Ведь пятерых из них именно Ирхин привез в Красноярск. [неавторизов. информация →] *Вдобавок и слухи о том, что некоторых, в частности камерунского легионера Дидье Самуэля Бианга, Ирхин хочет видеть в своей новой команде, не затихли.* | *В общем, трибуны гадали: ждет их спектакль или настоящий боевой футбол?* (Городские новости, № 121, 2002) – пространство спорта;

Он [прокурор] поставил под угрозу жизни людей, даже не подозревающих о нависшей над ними опасности. [неавторизов. информация →] *По нашим данным из источников, близких к правоохранительным органам, Денис Серегин, дед и отец которого сидели за убийства, возможно, приложил руку и к другим преступлениям* (МК в Красноярске, 14–21 марта, 2002) – пространство правопорядка;

[неавторизов. информация →] *На днях в ряде местных СМИ прошла информация о том, что Красноярская угольная компания будет ликвидирована.* | *Однако руководство КУК заявило, что данный факт не соответствует действительности* (Городские новости, № 76, 2002) – пространство экономики;

Перечисленными семантическими типами представление социальной сферы в языке, конечно, не ограничивается, но в собранном материале количество примеров, отражающих другие пространства языковой картины мира, незначительно.

Личная сфера текстов газетной и журнальной периодики составлена из описаний жизни гигантских, средних и малых, мировых, столичных и провинциальных «звезд», большинство из которых «светят» на небосклоне шоу-бизнеса, кино и театра, светской жизни и спорта, но открываются также в области бизнеса и политики. В данном случае выделены не семантические пространства – классификация проведена с использованием понятия «аспект».

В личной сфере выделяются семантические аспекты здоровья, внешности и межличностных отношений.

Авторы текстов-слухов, отражающих аспект здоровья, заняты не описанием прекрасной формы знаменитого субъекта, но преимущественно затрагивают его физические проблемы: болезни, операции, в том числе пластические, диету, излишний либо недостаточный вес – и трудности, с которыми он сталкивается на тяжелом, иногда драматическом, поприще «личной-публичной» жизни.

В случае, когда внимание журналиста обращено на внешность «героя», доля сенсационности тексту обеспечена, как и в предыдущем случае. Но от семантической роли «ущемленного» пациента или бенефицианта он уходит, перемещаясь в позицию субъекта состояния или объекта характеристики.

Самыми востребованными масс-медиа оказываются проверенные и непроверенные факты о межличностных отношениях известных личностей: их помолвках, браках и разводах, числе мужей, жен и детей, их скандалах, ссорах и примирениях. Рутинное благополучие, и в этом случае никого не интересующее, не может стать основой новости, а главный «герой» меняет ролевою маску в третий раз, становясь активно, лучше агрессивно, действующим субъектом – агенсом. Текст же благодаря пропозициям действия и движения приобретает особую динамичность:

Она [Валерия] и ее супруг продюсер Александр Шульгин расторгают брак, который много лет преподносили всему миру как идеальный. [неавторизов. информация →] Хотя в прессу то и дело проскакивали слухи о том, что образцово-показательный супруг в общении с женой дает волю рукам. | И вот теперь он хочет не только развестись с супругой, но и отобрать у нее сценическое имя, под которым Шульгин ее раскручивал (Комок, № 7, 2002).

Что касается внутритекстовых (диктумных) функций неавторизованной информации, то они фактически раскрывают ее тройное предназначение.

Первое – неавторизованная информация может тривиально «отражать» некое положение дел:

[неавторизов. информация →] | Говорят, что нынешней зимой в южных районах страны вымерзли почти все косточковые фруктовые деревья. | Кузбасовцы могут не увидеть на прилавках обычных даров юга – черешни, сливы, абрикосов и персиков (Томь, 29 марта, 2006).

В случаях, подобных приведенному, новость подается в форме событийной пропозиции в начале очередного содержательного фрагмента, становясь исходной для последующего развития текста: к ней автор публикации через отсылки может возвращаться потом неоднократно.

Второе – с помощью введения анонимной новости в печатный контекст происходит также привычное «расширение» информационного кругозора читателя через знакомство его с рядом альтернативных точек зрения на ситуацию,

в которых просматривается иное положение дел; например: 'точка зрения автора' → 'слухи' или 'точка зрения эксперта' → 'слухи'.

Но специфическое назначение данного типа информации в тексте, ее главная содержательная функция – «раскрыть положение дел», неочевидное, недоступное или скрытое, тайное.

Делают это, жонглируя пропозицией в целом через «обнаружение истинного» положения дел, его «перспективы» или «подоплеку»:

Серьезные разногласия администрации и депутатов вызвало желание команды Лебеда централизовать средства на выплату заработной платы. [неавторизов. информация →] | Есть информация, что эту идею подсказала Лебеду его зам по социальным вопросам Надежда Кольба | (Вечерний Красноярск, № 22, 2002).

Не исключено к тому же углубление знаний о каком-либо выделенном внутривопозитивном элементе ситуации: обстоятельствах-сирконстантах, актантном составе участников, их характеристиках, особенно количественных:

Если зарплату не платить, то можно снизить себестоимость тонны алюминия, но это снижение не будет принципиальным. [неавторизов. информация →] | По некоторым сведениям, планируется сокращение зарплаты процентов на двадцать. | Если учесть, что средняя зарплата на КраЗе около 10 тысяч, то потеря для каждого работника будет существенной – около двух тысяч рублей в месяц (АиФ на Енисее, № 45, 2001).

Коротко говоря, семантические функции неавторизованного фрагмента в печатном тексте передаются тремя словами-сигналами: 'обозначить' – 'расширить' – 'раскрыть'. Тем самым достигается интрига – ключ интереса читателя к повествованию: неавторизованный блок призван нарушить его нейтральность и посредством хорошо организованного изложения захватить внимание читателя.

Итак, использование в СМИ текстов неавторизованной информации разнообразит диалоговый режим печатного органа. Это условный диалог журналиста с субъектом-«экспертом» и / или субъектом «народного» мнения, часто неопределенными, но выведенными как равноправные источники информации. Каким бы качественно неоднородным ни было их присутствие в печатном тексте, следует признать, что вокруг них неизменно формируется ситуация дискуссии и обсуждения, что вызывает у адресата ощущение объективного содержания публикации.

3.3. Главной причиной массированного введения неавторизованной информации, особенно слухов, в широкий социальный контекст российского общества следует назвать терпимое отношение субъектов СМИ к непроверенности и / или недостоверности информации, используемой ими в качестве основы для публикаций. Несколько десятилетий назад эту линию поведения начали проводить редакторские коллективы и прочие ответственные субъекты масс-медиа. Так они реагировали на стартовавший в середине 80-х годов XX века противоречивый процесс демократизации и либерализации русского литературного языка, повсеместное проникновение бытовой речи и просторечия, разговорно-обиходного стиля, а значит, принципов их существования в пространство официального общения.

Наблюдения доказывают, что кроме глубинных семантических функций, выделенных в отношении публицистического текста (см. разд. 3.2. автореферата), неавторизованная информация используется как средство решения ряда

собственно медийных задач, реализуемых во внешнем – коммуникативном пространстве.

Они имеют прямую связь с конститутивными свойствами неавторизованной информации, проявляющимися в функционировании слухов, и перечислены в таблице 3.

Таблица 3.

Конститутивные свойства слухов	Медийные функции неавторизованной информации в СМИ
Сенсационность →	Удовлетворение информационного интереса
Актуальность →	Удовлетворение информационной потребности
Принадлежность к разговорной среде общения →	Моделирование диалога
Непроверенность информации →	Оценка достоверности информации
Доверие к слухам →	Формирование причастного отношения к органу СМИ
Анонимность →	Вуалирование автора
Анонимность →	Снятие ответственности за информацию

Рассмотрим здесь реализацию лишь одной функции из выведенного списка, обозначенную как функция моделирования диалога.

Телевидение, радио, а тем более массовая печать, далекие от естественного диалога, но понимающие ценность такового, производят его бесконечные аналоги. Названная функция позволяет «оживлять» их искусственность, сводится к культивированию множества точек зрения и состоит в следующем.

Инициативный говорящий – автор статьи или ведущий программы – время от времени как бы смещает весь диалоговый контекст в новый модусный план: делает ссылку на некое «специальное», «общее» или «народное» мнение. Такая принципиальная замена модусного субъекта и вместе с ним темы создает очередной информационный повод, что позволяет в необходимый момент преодолевать содержательное однообразие разговора. Журналист или ведущий выступают в роли посредника, передающего непроверенную информацию о «герое»-участнике диалога. От последнего, в свою очередь, ожидается более или менее подробный комментарий, уточняющий первичную информацию и предполагающий оценку ее достоверности.

Авторитетность слухов, а значит субъекта народного мнения, настолько велика, что иногда успешно конкурирует с авторитетом журналиста; см. пример: Ведущий: *А как, не хотите вернуться к своему режиссерскому опыту?* [имеется в виду фильм О. Янковского «Приходи на меня посмотреть»]. [Янковский молчит, затянувшаяся пауза].

Ведущий: *Прошел слух, что вот вы запускаетесь с новой картиной.*

Янковский: *Ну есть такие мысли на уровне обдумывания... Вот приходит кризис среднего возраста... Я там играю главную роль* («На ночь глядя», «Первый канал»; 11 октября 2006).

Сначала ощутимо желание говорящего организовать новый поворот в разговоре, избежав смены модусного ключа, что заканчивается неудачей –

отказом от коммуникации. А затем совершается повторная попытка: используется «слуховой» модус для введения идентичного содержания – на этот раз вполне удачная. Функция развития диалога усиливается и трансформируется в функцию коммуникативного вынуждения. Известный актер, успешно игнорирующий ведущего программы с его частным интересом, не может себе этого позволить в отношении к «народному мнению».

В итоге, введение неавторизованной информации в СМИ значительно увеличивает резервы развития и восприятия текста: делает его более организованным и эмоциональным, формирует доверие адресата, позволяя избегать к тому же ответственности за непроверенные факты.

Рассматриваемое явление прочно включено в контекст современного пространства СМИ, что не должно оцениваться только как наступление на достоверность факта или как манипуляция мнением массовой аудитории. Анализ говорит о наличии объективной причины, повлекшей его (явления) возникновение, и, помимо этого, об активизации через него качеств актуальности, диалогичности и содержательного разнообразия медиа-общения.

Сказанное позволяет сформулировать кардинальную цель медиа-использования неавторизованной информации. По большому счету, она состоит в завоевании адресата, в расширении «своей» аудитории, не только массово потребляющей продукт субъекта СМИ, но лояльно к нему настроенной, конструирующей собственное мнение на основе мнений и оценок избранного канала.

Четвертая глава «Процесс распространения неавторизованной информации» в авторской картине мира: ключевой фрагмент представляет семантико-синтаксическое исследование, проведенное на материале русского языка, еще точнее, на материале историко-детективных романов Б. Акунина из цикла «Приключения Эраста Фандорина». В заключительной главе диссертации реконструирована языковая модель Процесса (структура и способы ее усложнения, сценарные версии), определен механизм введения Процесса в текстовую ткань на основании принципа семантических планов (маркирующий, презентующий, детализирующий), а также выявлен языковой аппарат описания (фазы и пропозиции, участники и актанты, конструктивно-семантические схемы, образы Процесса).

4.1. Типичное отражение Процесса демонстрируют следующие примеры: *Про Князя Сенька, само собой, слышал <...> Про Князя кто ж не слышал? Самый рисковый на всю Москву налетчик. На рынках про него говорят, в газетах пишут (Любовник Смерти); [Маса] вышел в коридор и встал спиной к двери в позе грозного бога Фудомё, повелителя пламени. Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рожает (Смерть Ахиллеса).*

Реконструкция полной семантической структуры Процесса на основе анализа почти 500 художественных отрывков доказывает высокую степень ее сложности: для передачи исследуемого фрагмента в языковой картине мира в

совокупности используются 13 элементов пропозитивной и 13 элементов актантной природы.

Эта сложность четко организована в нескольких плоскостях.

Во-первых, спецификой содержания Процесса является его двухуровневое устройство:

- динамический каркас – цепь фаз-пропозиций социальной и речевой семантики, отражающих обращение неавторизованной информации в общественной среде; в приведенных выше текстах они репрезентированы предикатами *слыхал, говорят, разнесся (слух)*
- информационный посыл (актантная позиция Контенсива), который принимает массовый адресат в процессе этого обращения; соответственно – *Самый рисковый на всю Москву налетчик и В двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и <...> даже уже рождает.*

Отсюда на языковом уровне Процесс представляет модус-диктумный конструктор, прямо демонстрирующий его двоякую социально-информационную природу.

Во-вторых, реконструированы два вариативных сценария Процесса:

естественный, или стихийный, заданный семью фазами-пропозициями: Каузация → Трансляция → Восприятие → Существование / Обладание → Запрос экспертизы → Экспертиза → Последствие; развертывание его обеспечивают актантные роли Каузатора, Транслятора, Получателя, Носителя (информации) и Эксперта; см., к примеру, трехпропозитивную версию сценария:

Говорили [Трансляция], что [адвокат] нанят неизвестным лицом в знаменитой петербургской фирме «Рубинштейн и Рубинштейн» || и будто бы даже слывет [Существование] докой по уголовным делам. || Однако внешность защитника к себе не располагала <...> покупился подлый Момус на хорошего адвоката, прислал какого-то замухрышку [Экспертиза] (Пиковый валет);

искусственный: Провокация / Блокирование → Сбор → Осведомление → Осведомленность → Рефлексия → Планируемый результат / Использование. Семантические участники, которые осуществляют данный сценарий, это Провокатор, фабрикующий повод для распространения неавторизованной информации; Осведомитель, ответственный за ее Сбор и Осведомление; Потребитель, заинтересованный быть Осведомленным и Осмысливающий информацию; Бенефициент, получающий конечную информационную либо социальную преференцию в результате использования полученных сведений. Инициатором каждой из перечисленных фаз, как видно, является субъект, специально действующий для достижения поставленной цели. Провокатору и Осведомителю языковое сознание, кроме того, приписывает характеристики «профессионала», готового внедряться в природный ход коммуникации, демонстрируя контроль за общественным мнением и отводя нужную ему и его «заказчикам» информацию в частный канал для особого ее использования. Информация, собранная этим способом, в высокой степени достоверна, но не перестает оставаться неавторизованной, ведь действующие субъекты – типичные анонимы: таковы они в действительности – такими их в абсолютном большинстве

случаев представляет и воспринимает языковое сознание; см. иллюстрацию четырехпропозитивной версии сценария:

Кабатчик Митрий Кузьмич, потрясенный обществом в Белоцерковск [Сбор], приехал с подтверждением, что слух был верный [Экспертиза]: царя-императора убили жида. || Значит, абрашек можно бить, и ничего за это не будет [Рефлексия] <...> Все вышло, как положено: пожгли синагогу, пошарили по хатам, кому ребра намяли, кого за пейсы оттащали, а к вечеру, когда в шинкарском погребе отыскивались припрятанные бочки с вином, кое-кто из парней и до жидовских девок добрался [Использование] (Статский советник).

Таким образом, каждой фазе-пропозиции, нейтральной в отношении качества намеренности, соответствует ее инициированный тип; см. таблицу 4.

Таблица 4.

Естественный сценарий	Искусственный сценарий
Каузация – непроизвольное событие / действие	Провокация – <i>запустили слух</i>
Трансляция – <i>говорили, рассказывали</i>	Осведомление – <i>доложили</i>
Восприятие – <i>слыхали</i>	Сбор – <i>выяснили, узнали</i>
Существование / Обладание – <i>было всем известно, знали</i>	Осведомленность – <i>располагали сведениями</i>
Экспертиза (оценочная) – <i>чушь, ерунда</i>	Осмысление – <i>бюргеры сообразили</i>
Последствие (непроизвольное) – <i>вся Москва к Дюссо хлынет</i>	Использование (намеренное) – <i>головы чиновников полетят</i>

В-третьих, структура каждого из сценариев иерархично устроена: в ней имеются

- семантическое «ядро» – главные фазы-пропозиции, составляющие суть Процесса: Трансляция – Восприятие – Существование и Осведомление – Сбор – Осведомленность
- причинно-следственная «рамка», фиксирующая этапы «входа» в Процесс и «выхода» из него и через это связывающая его с бесконечной событийностью мира: Каузация → ... Последствие и Провокация → Использование
- рефлексивный «комментарий», демонстрирующий оценочное или интеллектуальное отношение субъекта к информации: Экспертиза, ее запрос и Осмысление.

Каждая из фаз-пропозиций в конкретных текстах, как правило, занимает собственную территорию – предикативную / полупредикативную единицу, автономно либо в совокупности с соседними пропозициями составляя отражение Процесса в языке. В диссертации исчислены все структурно-семантические схемы, используемые для репрезентации ядерных пропозиций Процесса. К примеру, типичная расширенная схема имеет в основе двукомпонентный инвариант $N_1 V_{fin}$ и итоговую формулу

$N_{1St} V_{finT} N_{4H} || про+N_{4Kнт}$,

где St – Транслятор, T – Трансляция, H – Носитель, Kнт – Контенсив:

Японцы (St) обожают плести (T) || про них [ниндзя](Кнт) || всякие небылицы (H) с местным флером (Алмазная колесница-2).

Эта объемная языковая база в буквальном смысле пронизана целым пучком дополнительных смысловых осложнений:

оценочностью – интенсивностью – достоверностью / недостоверностью – мультипликацией.

Названные семантические векторы выходят из действительности, соединяя языковую картину Процесса с его объективными свойствами и признаками: оценочность вытекает из сенсационности информации, курсирующей по Устному Каналу массовой коммуникации; интенсивность является отражением ее быстрого и всеохватного волнообразного распространения; достоверность / недостоверность прямо связана с неопределенностью неавторизованной информации и отсюда – с анонимностью и безответственностью транслятора, а мультипликация – с необозримой массой действующих в реальном Процессе субъектов, число которых равняется числу коммуникативно дееспособных членов общества, и с неизмеримым количеством «сюжетов», курсирующих в рамках Канала.

4.2. Демонстрируя работу осложняющих описание Процесса смыслов, подробно рассмотрим лишь смысл оценочности, которая почти в каждом примере так или иначе обогащает языковой рисунок Процесса.

На этом поле субъективности проступают три наиболее ярких, системно проявляющихся оттенка.

Первый из них обозначим как оценку исключительности, приписанную событию / ситуации / явлению, каузирующим Процесс. Они регулярно подаются в акунинских текстах как *выдающееся деяние, невероятное (событие), чудесное знамение, чудо → фурор, небывальщина, пикантность → скандал, дебош и жуть*; к примеру:

Именно от Заики мы узнали о невероятных событиях минувшей ночи <...> Вы, несомненно, обо всем уже осведомлены из ваших источников (Любовница Смерти).

Исключительность события на фоне рутинной повседневности, приводящая к запуску информации о нем в коммуникативный канал, отнюдь не теряется в новом – языковом – «теле» события, наоборот, как будто усиливается, трансформируясь в сенсационность, то есть в выделенность и исключительность уже информационного плана. Тогда Контенсив начинает именоваться *сенсацией, эксклюзивной информацией*, а его Носитель – *новостью пикантного рода, сногшибательной новостью, уникальными сведениями или поистине фантастическими слухами и сенсационной вестью*:

Подбросить доверчивому Шеймасу сенсационную весть труда не составило <...> Он так завидовал Шарлю д'Эвре, так мечтал его обойти! <...> а тут такое фантастическое везение! Exclusive information from most reliable sources! И какая information! (Турецкий гамбит).

Далее движение оценочного вектора идет вглубь пропозиции, в направлении содержания самого Контенсива. Точнее, оценка сосредоточивается на квалификации главного элемента информации – субъекта действия, артефакта или предметного феномена:

Знаменитая персона! Как говорить, широко известная в узких кругах! <...> Большой был, оказывается человек – в прежние, долгоруковские времена (Алмазная колесница-1);

Государственный канцлер князь Корчаков <...> Личность в некотором роде легендарная (Турецкий гамбит); Вероятнее всего, это легендарный питерский налетчик Тихон Богоявленский (Статский советник).

Знаменитость и тем более легендарность – высокие положительные характеристики, резко выделяющие объект из совокупности ему подобных, результат известности – *славы, хвалы и почитания* – положительно осмысленного социально-речевого Существования:

«Крадущиеся» славилась тем, что очень ловко использовали в своих целях животных (Алмазная колесница-2); *Фрол Григорьевич, невзирая на скромное свое положение, почитался в древнем городе особой влиятельной и в некотором смысле даже всемогущей* (Декоратор).

На выраженную известность не может не реагировать, причем удовлетворительно, «герой» молвы. В текстах регулярно встречаются комментарии следующего рода:

<Прислуживал младший лакей со странной фамилией Земляной > <...> Пялился на меня во все глаза – должно быть, наслышан об Афанасии Зюкине. Признаюсь, это было лестно (Коронация).

В результате выводится определенная последовательность различных элементов, которая демонстрирует, как подвижна и динамично развита оценка исключительности: *яркое, невероятное событие → эксклюзивная новость → легендарная личность → известность, слава, почитание → лестность* их для самой личности.

Второй оценочный акцент имеет по сравнению с только что обсужденным прямо противоположный знак:

Шпионить на своих товарищ^{ей} м-мерзко <...> Заводите новые знакомства <...> а потом донosite в Охранку о своих достижениях. Как вам не совестно, ведь вы д-дворянин (Статский советник).

Сбор и Осведомление четко квалифицированы как *шпионаж* и *донос*, а их отрицательная семантика, проступающая в значениях предикатов, усилена адъективами. Субъект этих действий, Осведомитель, в выделенных контекстах приобретает яркий отрицательный ореол, называясь *иудой, крысиной породой, злыми людьми* или просто *сплетником*.

Нельзя сказать, что презрение, откровенно высказанное в отношении Осведомления и Сбора, преобладает в оценке данных фаз у Акунина. В большинстве случаев они описываются нейтрально. И все же, если определять потенциальную зону действия крайней отрицательной оценки, она, вне сомнений, будет смещена на этот участок языковой картины.

Наконец, третий регулярный акцент связан с языковым выражением эмоции удивления.

Строго говоря, удивление не может считаться оценкой. Однако оно есть впечатление, возникшее от восприятия чего-то, отклоненного от нормы. А значит, провоцирует субъекта на отношение к вызвавшему удивление явлению / свойству, выделяя их особым образом в окружающей действительности.

Маркированной таким способом в языковой картине мира оказывается фаза Блокирования. Именно с ней, точнее, с удачной попыткой препятствовать обнаружению нежелательной информации, связано удивление действующих лиц:

Истинное чудо, что нынче-то удалось замолчать такую небывальщину (Декоратор); – Что пассажиры? В курсе? – Весь пароход гудит, но подробности пока мало кому известны <...> Барбос посмотрел на Фандорина и рыжего Психа, удивленно покачал головой: – Однако вы, господа, не из болтливых («Левиафан»).

Еще более отмечена вниманием наблюдателя фаза Осведомленности. К ее наличию в порядке вещей относиться нейтрально:

Осведомленность князя о частной жизни своих ближайших помощников Фандорина ничуть не удивила – успел привыкнуть за годы совместной службы (Статский советник); Я не знал, что Фома Аникеевич осведомлен о Фандорине, но ничуть этому не удивился (Коронация).

Она может впечатлить лишь до некоторой степени:

Этот ваш японец? – проявил неожиданную осведомленность Хуртинский. Хотя что ж удивляться, такая у человека служба – все про всех знать (Смерть Ахиллеса).

А может вызвать полную меру удивления, сопровождаемого оценочным отношением:

Грин знал, что Тимофей Григорьевич имеет своих людишек в самых неожиданных местах, но все равно удивился такой редкостной осведомленности (Статский советник).

Смещение удивления по поводу Осведомленности в область оценочности репрезентировано в откровенно положительных высказываниях с использованием компаратива и суперлатива; ср:

Они [«охранники»] лучше, чем их синемундирные коллеги, были осведомлены о жизни и настроениях большого города, а для начальства кто осведомленней, тот и ценнее (Статский советник); и: В грядущем столетии <...> самым дорогим товаром станет осведомленность. Дороже золота, бриллиантов и даже морфия! <...> Великое будущее уготовано осведомленности! (Алмазная колесница-2).

Сказанное подводит к выводу, что на устойчивом оценочном фоне Процесса выделяются три ярких пятна; их цвета опишем как «эксклюзивность Контенсива» (+) – «важность Осведомленности» (+) – и «презренность Осведомления» (–).

4.3. Прделанный анализ свидетельствует о богатой семантике Процесса, что позволяет языковому сознанию легко и эффективно оперировать ее потенциалом. В зависимости от цели либо со вкусом развивать этот потенциал, создавая подробные (план презентующий), даже детализированные, не лишённые художественности описания (план детализирующий), либо, ориентируясь на единственную из всего спектра фаз, технично использовать ее как маркер, мгновенно задающий авторизационный ключ в ситуации речи (план презентующий): *говорили.., мне доводилось слышать.., всем известно, что...*

Не менее важно для вывода разрешить проблему взаимосвязи языковой картины Процесса с действительностью. При внимательном ее (картины) изучении мы находим в ней и описание канала распространения неавторизованной информации (Восприятие – Трансляция – Существование), и фиксирование одного из ситуативных моментов ее введения в речевой контекст (Экспертиза достоверности), и, в конце концов, отображение самого текста, являющего суть Контенсива.

Отдельный интерес представляют факты взаимосвязи, обнаруженные между искусственным сценарием и устройством профессиональной коммуникации, описанным в теории массовой коммуникации и риторике. Это «диалог разведывательный», «утечка информации» (информационная провокация в рамках PR-кампаний) и этапы разведывательного цикла (Г.Г. Почепцов), многие

из которых прямо соответствуют языковым фазам Процесса; ср.: создание искусственного события, распространение фактов («Провокация») → собирание («Сбор» и «Осведомление») → обработка данных («Рефлексия») → использование данных («Использование» и «Планируемый результат»).

Многим актантным ролям также находят соответствия в реальности общения: социально-речевые роли эксперта, интерпретатора, доносчика, информатора, транслятора / ключевого коммуникатора, держателя информации / «хорошо информированного гражданина» / «людей престижа» выделяются в работах по социологии, социолингвистике, журналистике, теории массовой коммуникации.

Итоговый тезис сформулируем следующим образом: в авторской картине мира Б. Акунина достигнута высокая степень изоморфизма при отражении содержательной и динамической сущности неавторизованной информации, при передаче ее тройственной коммуникативно-текстово-языковой природы.

В Заключении обобщаются результаты исследования.

Феномен неавторизованной информации чрезвычайно разнообразен по природе, проявляясь и в коммуникативной среде, и на уровне текста, и в плотной языковой ткани. Это разнообразие весьма специфично, настолько, что дает возможность исследователю с относительной легкостью выделять особые формы воплощения неавторизованной информации: она курсирует по «своему» – Устному Каналу массовой коммуникации; вводится в социальную среду в рамках типологически узнаваемой речевой ситуации; «владеет» ключевым в поле устной анонимности жанром «слухи»; заставляет узнавать себя по первичным – *как говорят, слышали, по слухам, сорока на хвосте принесла, мне тут один человек сказал...* – или вторичным, выработанным письменной культурой маркерам неопределенности – *есть информация, источник сообщил, по неподтвержденным данным...*

Неавторизованная публикация, кроме того, всегда поддержана установкой на востребованность: она рассказывает о том, что признано важным для человека в его ежедневном обиходе, помогая ему ориентироваться в окружающем мире. Даже если она не обладает качеством «нужды», она, по крайней мере, имеет качество «интереса», а потому обеспечивает исконную потребность человека – в развлечении и отдыхе. В общем, следует говорить об актуальности неавторизованной информации.

Однако форма и содержание любого информационного объекта оторваны от его потребителя до тех пор, пока тот не выработал к ним своего отношения.

Какие же качества неавторизованной информации формируют это отношение?

Она анонимна, а это чисто прагматическое удобство, поскольку любой передающий ее субъект освобождается от ответственности за качество да и само содержание публикуемого факта.

Она вызывает к себе преимущественное людское доверие или, по крайней мере, готовность адресата учитывать ее при формировании точки зрения на событие. Доверие, пусть к «размытому», фактологически и атрибутивно

неточному, зато «своему» сообщению, поступившему по Устному Каналу «народного доверия» и услышанному от стоящего рядом человека, которому ты глубоко или по случаю сопричастен.

В конце концов, при ее устной передаче отсутствует физическое и психическое напряжение, что задано универсальностью, простотой, даже комфортностью речевого обращения с ней. Для передачи или принятия неавторизованной информации годится всякий диалог, человек не привязан ни к одному техническому устройству – необходимы только свободное желание поделиться очередным ни к чему не обязывающим сообщением, исправная артикуляция и минимальное внимание собеседника. Результат же достаточно значим: у субъекта остается чувство удовлетворения от исполнения активной социально-речевой роли – ведь он передает значимую / интересную информацию.

В то же время отрицательная практика обращения неавторизованной информации оценивается как антинорма (сплетня, анонимный донос) либо связана с искусственным, а значит, насильственным, манипулятивным ее использованием (как техника психологического влияния, «черного пиара», распространения ложных сведений). Однако исключения лишь подтверждают положительное принятие ее языковым коллективом.

Если в целом квалифицировать феномен неавторизованной информации, следует говорить о том, что для прагматично настроенного говорящего, ориентированного на рациональное и эффективное общение вне зависимости от статуса поступающих к нему сообщений, неавторизованная информация приобретает квалификацию «оперативной и актуальной новости» на фоне громадного массива прочих языковых продуктов.

Описанный комплекс свойств неавторизованной информации имеет, как минимум, две причины и два следствия.

Первое следствие является внешним и заключается в том, что одновременно с принятием неавторизованной информации отдельным носителем языка ее «принимает» социально-коммуникативная среда в лице ее коллективного агента – массовой публики. Действительно, в современном информационном обществе с демократическими традициями не существует такого коммуникативного канала, в том числе электронного СМИ или Интернет-ресурса, нет такой речевой сферы, в том числе научной или сакральной области, не возникает таких статусно-ролевых взаимоотношений или речевой ситуации, в которых был бы наложен запрет на использование авторитета группового или общего знания и / или оценки.

Неавторизованная информация вездесуща. Более того, отдельные их виды, такие как слухи, активнейшим образом используются в социальной – политической, общественной, выборной – практике, превратившись в коммуникативные технологии *public relations*, влияющие на поведение отдельных групп и больших национальных коллективов.

Второе следствие правильнее назвать, скорее, внутренним, однако, не менее масштабным. И связано оно с реакцией на функционирование неавторизованной информации русского языкового сознания. Как показал семантический анализ газетных и художественных текстов, языковая картина мира не только передает яркий образ «ключевого» анонимного жанра – слухов. – Она органично отражает

целый фрагмент, в деталях показывая Процесс распространения неавторизованной информации.

В итоге, и коммуникативное сообщество и коллективное языковое сознание относятся к неавторизованной информации как к одному из базовых информационных потоков, текущих в пространстве современного социума.

Закономерен вопрос: почему анонимная текстовая традиция не только не сдает свои позиции, но наоборот, укрепляет их, перемещаясь из сферы обыденного устного общения в среду официального взаимодействия и захватывая все новые зоны влияния?

Аргументированный ответ на него не может быть однозначным. Приведем только две основные, с нашей точки зрения, причины.

Одна из них кроется в устном первоисточке неавторизованной информации, в ее глубокой традиционности, берущей начало в специфике родо-племенной коммуникации, когда любое социально значимое сообщение могло существовать и использоваться массой, только непрерывно передаваясь по Устному Каналу.

Если следовать логике представленных рассуждений, то современная экспансия неавторизованной информации – прямое свидетельство культурной реабилитации устной речи, которую более 30 лет назад прогнозировал Б.М. Гаспаров и которая фиксируется сегодня многими исследователями-лингвистами.

Однако здесь, в заключении, хочется особо обратить внимание на другую причину популярности неавторизованных текстов, связанную с уже упоминавшимися их качествами содержательного разнообразия и «интересности»: последнее по своему удельному весу нередко превышает аналогичное качество фактологически безупречных текстов.

Разнородность причин, «размытость» деталей, предположительность последствий, множественность суждений, наполняющие тексты неавторизованной информации, порождают обычно более интенсивную и противоречивую реакцию по сравнению с прогнозируемым, однозначным восприятием категоричного факта. Неопределенность заставляет человека включать творческую и языковую рефлексия, помогая активно достраивать информационный образ объекта и оперативно формировать отношение к нему.

Исходя из этого, причину экспансии исследованного явления в современной коммуникативной среде следует видеть в следующем. Неавторизованная информация и сопровождающие ее смыслы неопределенности поддерживают содержательную свободу и речевую самостоятельность, к обладанию которыми так стремится активный носитель языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях** автора общего объема 35 п.л.

Монографии и учебные пособия:

1. Ермаков, С.В., Ким, И.Е., Михайлова, Т.В., Осетрова, Е.В., Суховольский, В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. – М.: Знак, 2004. – 408 с. (6 из 19,5 п.л.)
2. Осетрова, Е.В. Речевой имидж: Учеб. пособие (гриф СибРУМЦ) / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2004. – 219 с. (9,6 п.л.).

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

3. Осетрова, Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета. – Красноярск, 2002. – № 2. – Сер. «Гуманитарные науки». – С.62–66 (0,4 п.л.).
 4. Осетрова, Е.В. *Слухи* в речевой и языковой действительности // Известия РАН.– М., 2003. – Т. 62. – № 1. – Сер. литературы и языка. – С.49–54 (0,53 п.л.).
 5. Осетрова, Е.В. О двух способах существования газетных слухов // Вестник Красноярского государственного университета. – Красноярск, 2006. – № 6. – Сер. «Гуманитарные науки». – С.224–226 (0,3 п.л.).
 6. Осетрова, Е.В. Слухи в современной языковой практике: парадокс доверия // Мир русского слова. – СПб., 2008. – № 4. – С.61–66 (0,51 п.л.).
 7. Осетрова, Е.В. Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога // Мир русского слова. – СПб., 2009. – № 3. – С. 40–46 (0,6 п.л.).
 8. Осетрова, Е.В. Процесс обращения слухов в представлении Б. Акунина: фрагмент авторской картины мира // Вестник Новгородского государственного университета.– Новгород, 2009. – № 52. – Сер. «История. Филология». – С. 58–61 (0,7 п.л.).
 9. Осетрова, Е.В. Анонимная новость в пространстве городского общения // Филология и человек. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2009. – № 3. – С. 37–45 (0,45 п.л.).
- Научные статьи и тезисы докладов:**
10. Осетрова, Е.В. Манифестант как цементирующее звено полипропозитивной структуры // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации: Тез. докл. республ. науч. конф. / Омск. гос. ун-т. – Омск, 1992. – Ч.2. – С. 18-20 (0,1 п.л.).
 11. Осетрова, Е.В. Некоторые уточнения к понятию «инкорпорация» // Филология – журналистика '95: Сб. науч. ст. по материалам конф. / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1997. – С.55–58 (0,2 п.л.).
 12. Осетрова, Е.В. Категория *ВЫРАЖЕНИЯ* в научной и языковой картине мира // Славянский мир на рубеже веков: Мат-лы междунаrod. симпозиума / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1998. – С. 112–115 (0,2 п.л.).
 13. Ким, И.Е., Осетрова, Е.В. Категории когнитивной лингвистики и комплексная семантическая модель предложения // Филология – журналистика '97: Сб. материалов науч. конф. / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1998. – С. 12–19 (0,1 из 0,3 п.л.).
 14. Осетрова, Е.В. Молва как объект интереса современных гуманитарных практик // Проблемы исторического языкознания и ментальности / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1999. – Вып.3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. – С.59–68 (0,7 п.л.).
 15. Осетрова, Е.В. Речевой жанр молвы в современной политической практике // Славянское сознание и самосознание: проблема рубежей: Мат-лы III Параславянских чтений, Красноярск, 24 мая 1999 г. – Красноярск, 1999. – С.18–20 (0,2 п.л.).
 16. Осетрова, Е.В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания // Лингвистический ежегодник Сибири / Под ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск, 1999. – Вып.1. – С.58–67 (0,6 п.л.).
 17. Осетрова, Е.В. Явление мультипликации в семантическом устройстве предложения // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – С.210–218 (0,4 п.л.).
 18. Осетрова, Е.В. *Слухи* в речевой и языковой действительности // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. междунаrod. конф.: IV Шмелевские чтения / Ин-т русского языка РАН. – Москва: Азбуковник, 2000. – С.127–131 (0,2 п.л.).

19. Осетрова, Е.В. Формы с манифестирующей семантикой как синтаксическое явление // И.А. Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность: Докл. науч.-практ. конф. / Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – С.168–175 (0,4 п.л.).
20. Осетрова, Е.В. Модус неопределенности в текстах современных СМИ // Речевое общение: Специализированный вестник / Под ред. А.П. Сковородникова. – Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 84–90 (0,6 п.л.).
21. Осетрова, Е.В. Слухи как языковой образ и фактор, организующий текст // Язык. Система. Личность: Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование: Мат-лы докл. и сообщ. всеросс. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – С. 81–86 (0,4 п.л.).
22. Осетрова, Е.В. Коммуникативное взаимодействие «власть – народ» (региональный аспект) // Сибирь в XXI веке: Альтернативы и прогнозы развития: Мат-лы науч.-практ. конф. / Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 2003. – С. 126–135 (0,52 п.л.).
23. Осетрова, Е.В. Слухи в речевой и языковой действительности // Русский язык сегодня: Сб. статей. / Ин-т русского языка РАН. – М.: Азбуковник, 2003. – Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. – С. 493–501 (0,45 п.л.).
24. Осетрова, Е.В. Субъекты власти в пространстве речевого общения // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: Мат-лы всеросс. науч.-практ. конф. / Под ред. А.П. Сковородникова. – Ачинск–Красноярск, 2003. – С. 73–78 (0,3 п.л.).
25. Осетрова, Е.В. *Народ* как участник политического общения: фрагмент русской языковой картины мира // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Международ. конгресс исследователей русского языка: Труды и мат-лы.– М.:Изд-во МГУ, 2004.– С.135–136 (0,15 п.л.).
26. Курчатова, А.В., Осетрова, Е.В. Образ власти в современном русском языке (на материале политических текстов) // Лингвистический ежегодник Сибири / Под ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск, 2004. – Вып.6. – С. 7–19 (0,5 из 0,56 п.л.).
27. Осетрова, Е.В. Образ народа в современном русском языке (на материале политических текстов) // Вопросы лингвистики и лингводидактики / Под ред. Е. Калишана; Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. – Познань, 2004. – С. 87–96 (0, 46 п.л.).
28. Осетрова, Е.В. Современные каналы общественной коммуникации: взаимоподдержка или взаимоотрицание // Международное образование: Итоги и перспективы: Мат-лы международ. науч.-практ. конф.–В 3-х тт / Ред.-издат. совет ЦМО МГУ. – М., 2004.– Т. 3.– С.37–43 (0,44 п.л.).
29. Осетрова, Е.В. Сценарии властного общения // Лингвистический ежегодник Сибири / Под ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск, 2005. – Вып.7. – С. 22–30 (0,5 п.л.).
30. Осетрова, Е.В. Слухи в печатных СМИ: содержательное использование // Современная филология: Актуальные проблемы, теория и практика: Сб. материалов международ. науч. конф. / Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 2005. – С.55–61 (0,42 п.л.).
31. Осетрова, Е.В. Недостоверная информация в СМИ: Соотношение нормы и узуса // Проблемы языковой нормы: Тез. докл. международ. конф.: VII Шмелевские чтения / Ин-т русского языка РАН. – Москва, 2006. – С. 106–108 (0,2 п.л.).
32. Осетрова, Е.В. Функции слухов в газетном тексте // Региональная пресса: Классика и современность: Сб. науч. ст. / Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – С. 51–55 (0,3 п.л.).
33. Осетрова, Е.В. Почему российское общество доверяет слухам? // Человек как главное национальное богатство страны: Мат-лы заоч. межрегион. науч.-пр. конф. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2006. – С. 218–225 (0,41 п.л.).
34. Осетрова, Е.В. Слухи в печатных изданиях: новая фактура и субъективный контекст // Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Мат-лы I Международ. науч. конф. – В 4-х ч. – Кемерово: Юнити, 2006. – Ч. 3. – С. 268–274 (0, 43 п.л.).
35. Осетрова, Е.В. О языковых привычках и «словах-паразитах» // Филология – Журналистика’ 2006: Сб. науч. статей / Красноярск. гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – С. 107–118. (0, 65 п.л.)
36. Осетрова, Е.В. Адаптация слуха к печатному изданию // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности: Мат-лы всеросс. науч. конф. / Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2006. – С. 60–65 (0,27 п.л.).

37. Осетрова, Е.В. Недостоверная информация в СМИ: соотношение информационной нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня: Сб. статей / Ин-т русского языка РАН. – М., 2006. – Вып. 4. – С. 432–444 (0,5 п.л.).
38. Осетрова, Е.В. Каналы массовой коммуникации: «свое», «чужое», «иное» // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства / Одеський нац. ун-т. – Одеса: Астропринт, 2006. – № 11. – С. 105–109 (0,5 п.л.).
39. Осетрова, Е.В. Причины и цели введения слухов в тексты СМИ // Журналістыка – 2006: Матэрыялы 8-й Міжнарод. навукова-практыч. канферэнцыі. – Мінск, 2006. – Вып. 7 (0,1 п.л.).
40. Осетрова, Е.В. Окказиональная и конвенциональная недостоверность в газетных текстах // Жыццём і словам прысягаючы...: да 85-годдзя д-ра філал. навук, праф. М.Я. Цікоцкага: зб. навук. прац. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2007. – С. 192–198 (0,33 п.л.).
41. Осетрова, Е.В. Слухи: к определению понятия // Мир русского слова и русское слово в мире: Мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ. – София: Heron Press, 2007. – Т. 3: Русский Язык: Диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка. – С. 471–478 (0,6 п.л.).
42. Осетрова, Е.В. Текстовая и коммуникативная природа слухов // Current Issues in the Study and Teaching of Russian Language and Culture: International Forum on Research, Theories, and Best Practices, October 2007 / ACTR / Russian Language Journal Publications. – Washington, D.C. (USA), 2007. – P. 190–192 (0,25 п.л.).
43. Осетрова, Е.В. Ситуация распространения слухов в авторской картине мира // Актуальные проблемы обучения русскому языку VIII / Masarykova univerzita. – Brno: Kravi Hora, 2007. – S. 97–104 (0,5 п.л.).
44. Осетрова, Е.В. Курс «Слухи в русской языковой действительности» в практике обучения русскому языку // Congreso Internacional “La lengua y literature rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas” / Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: Современное состояние и перспективы: Международ. конф.: доклады и сообщения. – СПб.–Гранада: МИРС, 2007. – Т.1. – С. 403–408 (0,4 п.л.).
45. Осетрова, Е.В. Причина, цель и функции использования слухов в масс-медиа // Язык. Дискурс. Текст: Мат-лы III международ. науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 48–52 (0,5 п.л.).
46. Осетрова, Е.В. Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник / Под ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск, 2007. – Вып. 2 (9). – С. 124–138 (1 п.л.).
47. Ким, И.Е., Осетрова, Е.В., Сперанская, А.Н. Содержательные основания программы «Активная и практическая лингвистика» // Повышение качества высшего профессионального образования: Мат-лы всеросс. науч.-метод. конф. – В 2 ч. / Сибир. федерал. ун-т. – Красноярск, 2007. – Ч. 2. – С. 258–262 (0,2 из 0,4 п.л.).
48. Осетрова, Е.В. Программа курса «Речевой имидж политика» // Человек – коммуникация – текст: Сб. статей. – Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С.183–192 (0,4 п.л.).
49. Осетрова, Е.В. Анонимная новость в пространстве городского общения // Язык современного города: Тез. докл. международ. конф.: VIII Шмелевские чтения / Ин-т русского языка РАН. – Москва, 2008. – С.129–131 (0,1 п.л.).
50. Осетрова, Е.В. Слухи // Речевое общение: специализированный вестник / Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 2009. – Вып. 10–11 (18–19). – С. 233–235 (0,2 п.л.).
51. Осетрова, Е.В. Формирование коммуникативной компетенции студентов-филологов в преподавании дисциплин специализации / Е.В. Осетрова // Журнал Сибирского федерального университета. – 2009. – № 2. – Сер. «Гуманитарные науки» (спецвыпуск «Культура речевого общения»). – С. 78–86 (0,67 п.л.).